

A woman's face is the central focus, partially obscured by large, expressive black ink splatters and drips. The background is a vibrant, solid red. The overall mood is dramatic and intense.

РОЙ

ОЛЕГ

ИМИТАТОР ГОЛОС КРОВИ

КРАЖА РЕБЕНКА – СТРАШНО.

ЕЩЕ СТРАШНЕЕ – ЕСЛИ ДАЖЕ ВЫКУП НЕ ТРЕБУЮТ...

Капризы и странности судьбы. Романы О. Роя

Олег Рой

**Имитатор. Книга
шестая. Голос крови**

«ЭКСМО»

2021

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44

Рой О. Ю.

Имитатор. Книга шестая. Голос крови / О. Ю. Рой — «Эксмо»,
2021 — (Капризы и странности судьбы. Романы О. Роя)

ISBN 978-5-04-189443-6

Во время прогулки в парке исчезает маленький мальчик, и счастливая жизнь его матери в одночасье рушится. Исчезновение еще одного малыша из коляски наталкивает Вершину на мысль о возможной связи между этими происшествиями. Арине предстоит бороться не только с детоубийцей, но и с собственным недоброжелателем, подбирающимся все ближе...

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-189443-6

© Рой О. Ю., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	6
День первый	7
День второй	18
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Олег Рой

Голос крови

© Олег Рой, 2023

© RUGRAM, 2023

© Т8 Издательские технологии, 2023

* * *

Пролог

Крупный рыжий муравей остановился на границе теплого солнечного пятнышка. Дальше начиналась темнота. Он пошевелил усиками: темнота пахла едой, разведчики не соврали. Он появился на свет совсем недавно, и никогда еще не ходил в темноту.

Сзади, где все было теплое, желтое, зеленое, там осталась большая белая гусеница. Если бы он подбежал пораньше! Но гусеницу уже подхватывали шестеро его братьев. Шестеро. Он лишний. Значит, надо идти туда, в темноту. Или подождать других? Если та еда, что пахнет, большая, ему все равно придется ждать. Для детей, тем более для королевы эта еда не годится, но рабочим и солдатам тоже нужно есть. Надо идти.

Сверху надвинулась большая круглая тень.

– Ненавижу эту пакость! – голос звучал холодно, равнодушно.

Но муравей этого уже не услышал.

– Так и лезут, так и лезут. Щели надо бы законопатить, – продолжал голос.

– Сейчас тепло, – робко возразил другой голос.

– Верно говоришь. А осенью уже и не надо будет. Правда, Манька? – первый голос стал мягким, довольным. – Хорошая, хорошая девочка. Осенью будешь большая, толстая, насолим, накоптим, колбаски набьем. Ешь, умница, нагуливай бока.

Светлый косой прямоугольник протянулся от полуоткрытой двери, едва коснувшись дощатой загородки, за которой что-то ворочалось, хрустело, сопело, чавкало, почти заглушая негромкие деловитые голоса.

– Она его точно съест?

– Чего ж не съесть-то?

– А... кости?

– Да какие там кости, тьфу! Все сгрызет, чего ж не сгрызть. Сомневаешься, что ли?

– Нет, просто... Нехорошо как-то. Похоронить бы надо было... По-христиански.

– Похоронить? Как тебе в голову такое взбрело?! Беспokoишься, сходи в храм, свечку поставь за упокой, и довольно. А то вишь – похоронить! Может, еще и на кладбище?

– Нет, ну... До леса рукой подать...

– Какой там лес, все истоптано. Любую ухоронку рано или поздно найдут. Не грибники, так собачники.

– Если подальше отнести и закопать, кто найдет-то?

– Как ни закапывай, какая-никакая псина непременно учует, разворошит. А нынче экспертизы всякие, того и гляди чего не надо наопределяют. Нет уж, береженого бог бережет. Манька быстро управится. После кормушку вычистишь, со щелоком промоешь – и все. Нам сейчас о другом думать надо.

День первый

06.06. 06:06:06

статус: приватный

защита: тах

призрак: найдите ее!

рубль:...

Я не верю ни в какую магию цифр. И в три шестерки, которые трактуются как Число Зверя и чуть ли не предвещают конец света, тоже. Что мне Зверь, когда вся прежняя жизнь рухнула? Когда единственное, что придавало жизни смысл, исчезло. Распалось. Растворилось на атомы. Человек, который отнял у меня этот смысл, человек, разрушивший основу моей жизни – заплатит. Заплатит очень дорого. Мне не жаль на это ни денег, ни времени. Денег у меня довольно, времени тем более.

Но шестерки – шесть часов, шесть минут, шесть секунд – мигающие над панелью ни для кого не доступного чата, завораживают. Ни для кого, кроме меня. Этот... Призрак не в счет. Как и все предыдущие. Они лишь посетители. Бесправные. Робкие. Злоупотребляющие восклицательными знаками – умоляющие.

Почему в секундах по-прежнему мигает шестерка? Разве все эти мысли могли втиснуться в секунду? Время... растянулось? Остановилось?

Или... нет никакого времени? Сон.

Ноутбук старый. На левом верхнем углу – заметная царапина. Она кажется такой свежей, словно появилась только что. Вздвогнув, я оглядываюсь. Как будто Рубль сейчас войдет в комнату и мне достанется. Сильно достанется. Мне нельзя брать этот ноутбук! Нельзя... было.

Пусто.

Не войдет.

Немного странно. Сейчас, потеряв все, что было смыслом моей жизни, что было, по сути, всей моей жизнью – я чувствую, что во мне словно появилось что-то новое. То, чего раньше не было. Словно часть утраченного выжила и поселилась в глубинах моего собственного мозга. Этот холод в голове – там, где всегда пылал страстный нетерпеливый огонь. Нетерпеливый? Теперь я – самый терпеливый человек на всей Земле.

Потому что убить можно только один раз.

Даже если кто-то уничтожил то, что было единственной твоей драгоценностью, если разрушил всю твою жизнь – какой смысл убивать разрушителя? Зачем? И не просто незачем, а – нельзя. Это было бы слишком легким исходом.

Надо заставить почувствовать эту боль. Отнять все. Постепенно.

Все ценности. Работа. У меня вот нет работы, которая бы хоть что-то значила. И у тебя не будет. Родители. У меня – никого. И у тебя не будет. Брат. У меня нет брата – и у тебя не будет. Кот – у меня никогда не было ни кошки, ни собаки, ни даже аквариумных рыбок! И самое главное – девчонка, про которую я ничего не знаю, кроме того, что она есть. И ты ее любишь. Дочерью твоей она быть не может, кое-что не связывается. Хотя... не исключено. Главное – ты ее точно любишь. Девчонка будет твоей последней потерей.

После этого и тебя тоже не будет.

Вместо пылающего восторга предвкушения в голове пусто и холодно.

Поздно. Все – слишком поздно.

Или и сейчас не поздно?

Информации, которой напичкан этот серый «сундучок», хватило бы, чтобы заставить серьезно раскошелиться не один десяток человек. Но деньги мне не нужны.

После ника «рубль» пусто. Только мигает курсор. Поддаться искушению – кощунственно. Но курсор мигает, дразнит, заманивает. Как будто он – осколок той жизни, в которой еще был смысл. Самая большая драгоценность, которая только может быть.

Этот... Призрак ведь ничего не знает! Ничегошеньки! Призрак... Тоже мне, шифровка.

Заказ нетипичный, но так даже увлекательнее. Как будто сейчас меня еще что-то может увлечь. Интересно, какой аванс надо назначить?

Вздрагиваю, оглядываюсь – пусто.

Набираю наобум какие-то цифры.

Призрак соглашается сразу. И запрошенный аванс тут же падает на указанный счет. То ли сумма слишком мала, то ли припекло сильно. Аванс меня не интересует. Вот присланные материалы... да.

В комментариях к паспортным и биографическим данным особо отмечено, что они могут быть уже не актуальны. Объект мог сменить имя, документы, место жительства – и наверняка сменил. Мог сменить и внешность, додумываю я. Но – вряд ли.

Кто тебя обидит, три дня не проживет, вспоминаю я шуточку из каких-то давних-предавних времен. Но это не про тебя, Призрак. Ты со всеми своими понтами и крутостью похож на Буратино, у которого Базилио и Алиса выманили денежки. На Буратино, который вдруг понял, что его... обманули! И не так жаль ему денег, как – рухнувшей картины мира. Не знаю, что ты хочешь сделать со своим объектом. И подозреваю, что ты и сам не знаешь. Для начала ты хочешь посмотреть в глаза. Проканючить обиженно: как можно так – со мной?!

Нет, не боится тебя твой объект. Документы, наверное, сменит, а внешность – нет. Еще не хватало – из-за каждого тупого буратины отказываться от собственного лица.

Перелистываю кучу присланных Призраком фотографий. Кажется, он до сих пор недоумевает: как это – его, такого крутого и ушлого, обвели вокруг... вокруг того, чем он думал. И это явно не голова, а то, что полуметром ниже.

Девушка на снимках ни на волос не напоминает глянцевого красоток. Узкое лицо, тонкая шея, мальчишеская фигурка. Неопределенного цвета волосы. Приблизительно светло-русые, но в реальности они могут оказаться и пепельными, и рыжеватыми, фотографии плохо передают цвет волос. Великоватый для этого личика рот, тонкие, не особенно яркие, не по нынешней моде, брови. Глаза... да, глаза, пожалуй, стоят того, чтобы страстно желать в них заглянуть со всей своей вселенской обидой. Светлые, прозрачные, абсолютно бесстыжие.

По спине проходит мягкая лапа. Совершенно ледяная. Я опять вздрагиваю. Но на этот раз не оборачиваюсь. Поднимаю взгляд. Прямо передо мной – узкое высокое зеркало. По обе стороны от него – темные секции шкафа, и кажется, что это – коридор. Иногда удается увидеть в этом коридоре то, что мне хочется. Но сейчас там только мое лицо. Я долго всматриваюсь в зеркальные глубины, время от времени переводя взгляд на монитор стоящего передо мной ноутбука.

Мы похожи. Ау, объект, слышишь? Мы похожи!

Да, Аля – или как там тебя сейчас зовут – мы похожи.

Не так, как бывают похожи близнецы, скорее, как эскизы одного и того же художника. Лица – разные, а стиль – один.

Это... странно. Почти пугающе. Впервые за не помню уж сколько времени ледяная неподвижность смерти сменяется искрящимся холодком азарта. Холодеют кончики пальцев, холодеет позвоночник. Озноб. А озноб – это вам не трупное окаменение.

Да, Призрак угадал. Установочные данные, похоже, устарели. Впрочем, интернет помнит все, так что дело может обстоять куда проще: объект, в отличие от большинства наших современников, просто не любит светиться. Несколько результатов сеть мне вываливает, но все не то. Сорокалетняя мать семейства с Кубани, тридцатилетняя продавщица с Дальнего Востока, пятидесятилетняя быути-блогерша из Татарстана, пятнадцатилетняя школьница из Канады.

Из Канады! С таким именем и фамилией! Но пишет по-русски. Либо из эмигрантской семьи, либо участница какой-нибудь программы обмена. Неинтересно. Это не та, что мне нужна. Равно как и все прочие. Да, имя-фамилию она сменила. Как и ожидалось.

И я начинаю искать лицо. Странно, что старшее поколение, даже те из них, кто в сети чувствует себя вполне уверенно, про поиск по изображению вспоминает в последнюю очередь. Или вовсе никогда.

Ясно, что точно таких же снимков в сети нет. Но снимков Призрак прислал действительно много, есть с чем поэкспериментировать.

Бесконечные страницы уже сливаются в одну – пора закрыть ноутбук и немного поспать. Но прерывать поиск страшно – как оборвать леску, за которую схватилась невидимая в глубине рыбка. Она там есть, я... я чувствую!

Она там есть! В темной комнате вдруг становится светлее.

Начинающая художница и ее выставка на пригородном пляже. Городок маленький, теоретически курортный, а практически – захолустье, почти деревня. Разве что застроена не избами, а двух-, трехэтажными домиками. Некоторые каменные, другие фахверковые. Семейные отели лепятся поближе к морю, но отдыхающих отнюдь не толпы, так что дальнюю, каменистую часть городского пляжа отдали в пользование желающим самовыразиться. Творцы, впрочем, тоже не торопятся выстраиваться в очередь, так что упомянутая выставка становится вполне событием, заслужив два с половиной репортажика в местной прессе да три-четыре поста в средней руки блогах – через один из них я на нее и натываюсь.

Джейн Доу, значит?

С журналистами она говорит по-английски – ну, Джейн же Доу, как иначе. Интервью любопытное. Художники – вообще художники, рисовальщики, писатели, музыканты – о себе рассказывают с удовольствием. А эта улыбается – я прокручиваю коротенькое видео несколько раз – и отсылает к картинам.

Картины, к слову сказать, мне не очень. Да и можно ли назвать картинами эти наброски?

Но Джейн Доу!

Так в английской практике именуется неизвестные. Джон или Джейн Доу. Чаще всего это неопознанные трупы, но встречаются и живые. Например, подобрали на улице жертву тотальной амнезии, сунули в соответствующее заведение – надо же как-то безымянного пациента называть. Эта, на выставке, очень даже живая. И уж конечно, не пациентка психиатрической клиники. Если, конечно, забыть, что все художники малость не в своем уме.

У этой художницы даже сайтик имеется. Собственных ее изображений там нет, вообще ничего личного, только картинки – такие же эскизы, как в пляжной экспозиции – да фотоальбом, подобранный по непонятному мне принципу: Питер, Австрия, потом вдруг Аргентина, Греция и Балканы. Балканских снимков немало. Но, в общем, ни о чем. Снимки такие же безликие, как ее новое имя. Потому мне сайт и не попался. Поди найди в сетевых просторах Джейн Доу. Машу Иванову – и то легче отыскать, ей-богу.

Если это не она, то я – султан Брунея.

Думаю я недолго. У сайта есть собственная почта. Отлично. Я создаю бланк письма и быстро набираю: «Меня зовут Эдди...»

* * *

– Взгрел? – старший убойный опер Мишкин подмигнул появившейся из начальственного кабинета Арине и, поднявшись, картинно поклонился Еве, угощавшей его чаем. – Гран мерси, труба зовет!

– Ты-то тут откуда? – удивилась Арина. – Дело какое-то?

– Уж будто я не могу просто так зайти, с красивой дамой чаю попить, – он изобразил еще один церемонный поклон, что при его колобковой комплекции выглядело опереточно. Ева прыснула, деликатно, в ладошку, и сторожко оглянулась на пахомовскую дверь: вдруг начальник ка-ак выйдет, да ка-ак спросит, что за неподобающее веселье в приемной.

– Маринке расскажу! – скомкав смешок, пригрозила Арина.

– У нее экза-амены, она меня вы-ыгнала... – жалобно затынул Стас.

– Так уж и выгнала?

– Говорила мне мамуленька: не женись на училках! – продолжал он тем же тоном «я бедная сиротка». – Торчит то в школе, то в районо, то еще не знаю где, а я весь неприкаянный, необласканный. Сироти-инушка! Так и сгинул бы несчастный опер, как француз после пожара Москвы, если бы не Евочка Вацлавна! Приютила, обогрела, обласкала, чаем-кофеином напоила. И сижу я это, плюшками балуюсь, а тут, говорят, Вершиной начальство в любви объясняется. Как не подождать ненаглядного следователя?

– Да не так чтобы прямо совсем в любви.

Мишкин сделал вид, что доцеживает последние капли, даже голову запрокинул, вернул чашку на блюдечко, вздохнул глубоко, благодатно. Подумав секунду, хапнул с подносика еще одно печенье и забормотал сквозь него:

– Спасибо вам, Ева Вацлавна, за доброту вашу, за ласку и щедрость! Не дали бедному оперу с голоду помереть! Пошли, Вершина, пошепчемся, что ли.

– Вообще-то я уже уходить собралась.

– Ну поехали, подвезу.

К машине они спускались молча. Мишкин поерзал, поудобнее устраиваясь на водительском месте:

– Ты домой?

Арина помотала головой, прикусив губу, чтобы сдержать так и рвущуюся вылезти улыбку. Так вот выпустишь – и в дверь придется боком проходить. Рано радоваться. Или... не рано? Почему надо себя сдерживать, если внутри все так и поет? Может, и не надо, но... страшно. Еще сглазишь. Не то чтобы она верила в сглаз или, как говорила бабушка, в сон, чох и вороний грай, но... опасалась. Обрадуешься и – р-раз! Обманули деточку, не дали конфеточку! И оглушительный издевательский хохот над головой.

– Ясно. Ну поехали, – Стас едва заметно усмехнулся и проскочил перекресток на последней «зеленой» секунде. Тем, кто ехал следом, пришлось остановиться. Ну или сворачивать вправо. К Аринину дому. Прямая дорога вела к больнице.

– Про Дениса что думаешь? – спросил он, не глядя в Аринину сторону.

Арина почувствовала, как губы помимо ее воли – словно их тянет кто-то – расплзаются в неудержимой улыбке. И глаза сами собой прищуриваются, и даже почему-то щипать их начинает – как от слишком яркого света.

– Денис нормально. Бегать еще не бегает, но уже ходит.

– Короче, не было бы счастья, да несчастье помогло, – подытожил Стас. – Удивительная штука – инстинкт самосохранения. Лежал себе, понимаешь, овощ овощем, не то что на медперсонал, на тебя не реагировал – мельтешат вокруг какие-то халаты, чего на них реагировать. А когда появился еще один такой же... халат, овощ моментально вскинулся, чтоб жизнь свою защитить. Как он понял, что рядом – угроза? Как отличил? Вот загадка природы. Только ты ж понимаешь, что я про другое. Эсэмэска была?

– Была. Чего спрашиваешь, я ж тебе показывала.

– Показывала... – задумчиво протянул Мишкин. – Сразу не сдохнешь, так?

– Вот она, любуйся! – Арина откопала в телефонной памяти нужное – ох, совсем не нужное, век бы его не видеть! – сообщение.

– А раньше она писала: «тебя просили не лезть куда не просят»... – не спросил, констатировал опер, даже не взглянув в ее сторону.

– Она? – переспросила Арина, до сих пор так и не сумевшая хоть сколько-нибудь доказательно определиться с полом неуловимого преследователя.

Стас пожал плечом – правым, с Ариной стороны:

– Может, и он... Но ты сама смотри, что мы имеем. Сперва следователя Вершину, которая только-только сподобилась заняться наконец личной жизнью, дождавшись, когда ее бойфренд отбудет на слет скалолазов...

– На чемпионат по промальпу, – подсказала она.

– Хрен редьки не слаще. Воспользовавшись моментом, когда бойфренд не может ее проводить, упомянутого следователя в темной подворотне пинают ногами.

– Не в подворотне, а...

– Да знаю я, не придирайся! Пинают, значит, и шипят при этом: «Кто тебя просил лезть, куда не просят», так?

– Так.

– Потом следователю Вершиной не дают насладиться триумфом от поимки виртуозного убийцы, столкнув дорогого ей человека под электричку. И присылают эсэмэску почти с тем же текстом: «тебя предупреждали не лезть куда не просят». От смерти Дениса небеса, спасибо им, уберегли, но черепно-мозговая травма приковывает его к больничной койке. С неясным прогнозом. И когда перспективы из неясных становятся почти оптимистическими, на следователя Вершину нападает опять же некто. И, пытаясь полить упомянутого следователя какой-то мерзкой химией, шипит: «Сразу не сдохнешь!» Наша шустрая Вершина от химии ухитряется увернуться. Но нападавший, ясен пень, скрывается. Тогда некто, тот же или другой, но мне что-то кажется, что тот же, пытается отравить содержимое капельницы Дениса. Ну и эсэмэс тебе – уже прямо традиционно. Сразу не сдохнешь – это, я так понимаю, означает, что помучаешься. Так?

– Все так, но я-то про «она». Почему не «он»?

– Арина свет Марковна! Ты следователь или где? Если все это – не типичное поведение ревнивой бабы, то я – китайская королева.

– В Китае нет королевы. Даже короля нет.

– Вот именно. Чего морщишься?

– Стас, ты все очень красиво скомпоновал, даже по времени события как-то неправдоподобно хорошо между собой бьются. Только две детали смущают.

– Ну?

– Во-первых, мы с тобой на видео из больницы дружно опознали – кого?

– Суперское опознание, ага, – фыркнул Мишкин. – В халате безразмерном, в маске, шапочке и перчатках. Не считая того простого обстоятельства, что ее там быть просто физически не могло.

– Ладно, допустим, это был наш общий глюк, спровоцированный предыдущим делом. Тогда вторая, с моей точки зрения, неувязка. Как в версию ревнивой бабы укладываются нападения на Дениса? Он же, по идее, ее вожделенный... ну не знаю... объект? А она его убить пытается. Не вяжется.

– Очень даже вяжется, – возразил Стас. – Про «не доставайся же ты никому» слышала когда-нибудь? Когда она тебя ногами пинала, ею двигало желание убрать с дороги соперницу. А потом как-то дошло, что Денис ей по-любому не достанется, и объект сменился. Ты, зараза, отняла у нее мечту, значит, тебе надо отомстить. Ну и мечте заодно. Но главное – тебе нагадить. Сразу не сдохнешь, понимаешь?

– Складно излагаешь, – похвалила Арина, пытаясь понять, чем же ее не устраивает эта версия, со всех сторон логичная и непротиворечивая, кроме, разве что, ее собственных ощущений: не там ищем. – Особенно, если бабу заменить на мужика.

– Тоже вариант, – согласился после короткого размышления Мишкин. – И даже, может, более перспективный. Потому что осознание безнадежности мечты в этом случае... гм... более безнадежное. Но виновата, разумеется, ты. Если кто-то облизывался на Дениса издали, вполне мог себе и навывдумывать обнадеживающих признаков. А ты вперлась на территорию, которую этот персонаж считал уже практически своей. И ненависть к тебе тут получается более... основательная, что ли... Ты вот что, – добавил он уже деловитым «оперским» тоном. – Майку бы одну из дому не выпускать.

Совет был более чем здрав, но несколько запоздал.

– Майка в лагере на все лето, разве я тебе не хвасталась? Ну... теоретически на все лето. Федька так гордится, ужас. Там нижний порог десять лет, но Майку взяли. Ибо такого толкового существа свет не видывал.

– Это-то да, мозгов твоей племяшки на десятерых взрослых хватит, – засмеялся Стас. – Но, Арин, она все равно мелкая, а в любой лагерь проникнуть... Не хочу тебя пугать, но не спецназ же их охраняет.

– Я ж говорю – лагерь не простой. К тому же все это на острове где-то в Адриатике. И так запросто туда не попадешь. Надежнее спецназа выходит.

– Ни фиги себе! – восхитился Мишкин. – Дорого, небось? Или ей как особо одаренной какие-то квоты или гранты полагаются?

– Да какие квоты, Стас! Все сами. Не дороже денег. Федька не нищий, и отец решительно так сказал, что половина – с него.

– Как он?

– Папа-то? – Арина моментально помрачнела. – Да никак. Когда Дениса... Когда Денис в больнице оказался, мамуля решила, что дочери, мне то есть, нужна моральная поддержка, поэтому новая мамулина жизнь откладывается. Ну или вовсе отменяется, я в ее резоны стараюсь не вникать, мне хватило. В общем, из сияющих объятий новой любви вернулась к семейному очагу.

– Это мы в курсе.

– Вот все так же и тянется. Отец живет в кабинете, она в бывшей спальне. Федька по уши в работе, я, в общем, тоже. Майка... но Майка сейчас далеко. Короче, не дом, а пансионат. К черту, Стас!

– К черту так к черту. Давай к нашим делам, а то приехали уже. Чем тебя так не устраивает версия ревнивой бабы? Или, еще лучше, ревнивого мужика?

– Денис еще тогда, до нападения на него самого, сказал, что с последней своей подругой он расстался месяца за три до знакомства со мной, причем по взаимному согласию. Так что обижаться на него и ревновать вроде некому. Про мужиков я, извини, не спрашивала.

– А если это случайная баба? Три месяца, говоришь? Здоровый молодой парень сам себе режиссер? Не, ну может быть. Или, к примеру, с этой бабой, которая сейчас тебе мстит, у него вообще ничего не было. С мужиком тем более. Ну типа: «Я любила молча. Только одинокие дети могут затаить в себе страсть...» Чего ты вытарщишься, как будто у меня из ушей брильянты посыпались?

– Мишкин! Ты что, Цвейга читаешь? Да еще и цитируешь!

– А ничего, что у меня жена – учитель литературы? – обиженно буркнул тот. – Да и вообще. Думаешь, Мишкин – тупой валенок? Опер, что с него взять, да?

– Стас, миленький, да я же... Удивилась, да. Ты так убедительно играешь этого самого валенка. Я понимаю, что это профессиональное, но правда, очень убедительно выходит. Ну прости!

– Ладно уж. Так чего я говорил-то? Может, кто-то по Денису со стороны вздыхает? Или вздыхал. Мечтал. А после – бемц.

– Может, – согласилась Арина. – Только как-то очень уж... литературно.

– Точно-точно. Ты ту шумилинскую поклонницу вспомни, которая тебя чуть не убила.

– Ну... такие все ж не на каждом шагу попадают.

– В жизни, а тем более в нашей с тобой жизни, чего только не бывает.

– И что теперь? Шерстить всех его знакомых?

– У тебя есть другие предложения? Пустить все на самотек? Пока этот псих вправду кого-нибудь не убил.

– Что?! – опешила Арина и поспешила объяснить. – Пахомов сегодня знаешь, что сказал? Кроме осторожнее и так далее. Нет, не просил прекратить частное расследование. Наоборот. Одобряет, хотя и не показывает. Сказал «пока он кого-нибудь в самом деле не убил». Помоему, он все знает. И про нападения, и даже про эсэмэски с угрозами.

– Конечно, знает, – хмыкнул Стас.

– Откуда?

– Без понятия. Это же Пахомов, думаешь, его ППШ только за инициалы прозвали? В общем, как ни крути, Денису надо вдумчиво в собственной памяти покопаться. Все перебрать, и что было, и чего не было. И на платформе мог мельком знакомого увидеть, и вообще пусть всех знакомых вспоминает – взгляды там исподтишка и всякое такое.

* * *

– Если я не замечал, что ж я теперь могу вспомнить? – Денис потянулся, поморщился, потер виски, поднялся – медленно, сосредоточенно, как будто прислушиваясь к чему-то. Еще раз потянулся, подвигал плечами, словно непривычную одежду примерял. И опять опустился в задвинутое между окном и аппаратной тумбой кресло.

Кресел в палатах, даже в индивидуальных боксах, разумеется, не полагалось. Но Илья Зиновьевич был так счастлив, что неведомый злодей не успел причинить никому никакого вреда, наоборот, безнадежный, казалось бы, пациент пошел вдруг на поправку! Да он бы не только кресло, он бы персональное озеро с лебедями в палате обустроил. Впрочем, о поправке говорить было еще очень и очень рано, но – как минимум – пациент пришел в себя. Да еще и не полувменяемым овощем, а вполне разумным человеком. Относительно, конечно, разумным. С учетом его, пациента профессиональной привычке к риску. Увидев, как Денис пытается усесться на подоконнике, врач пришел в ужас:

– Сделал лечебную гимнастику – и лежи отдыхай, восстанавливайся. Ну или хоть сиди.

– Я эту кровать видеть уже не могу! – замотал головой упрямый пациент, едва не вписавшись виском в оконный косяк. – А на стуле неудобно.

– Неудобно! – фыркнул нейрохирург, но кресло откуда-то добыл. Может, даже из собственного кабинета. Возражать никто не пытался. Его хоть и звали за глаза Зямой, но считали примерно за наместника всех богов и трепетали соответственно. Все, включая завотделением. Да что там – даже главврач всяя клиники глядел на «наместника» почти заискивающе. Подумаешь – кресло! К тому же вся больничная администрация была изрядно напугана тем злосчастливым нападением – попыткой покушения, шутка ли! – и страшно опасалась каких-нибудь последствий. Так что слушались не только Зяму, но и Арину, и подменявших ее оперов. Индивидуальный бокс в самом дальнем углу? Извольте. Камеры лишние над дверью и в иных стратегических точках повесить? Сейчас-сейчас. Тревожную кнопку отладить? Уже готово.

– А это что? – Мишкин с интересом тасовал сложенную на тумбочке пачку исчерканных бумажных листов.

– А! – Денис махнул рукой. – Разрабатываю мелкую моторику. Зяма говорит, очень полезно для восстановления нейронных связей или чего-то в этом роде. В юности-то я недурственно рисовал, после забросил, так что пока не очень выходит.

– Ничего себе не выходит! – присвистнул Стас. – Погоди-погоди, это же...

Арина потянула к себе один из рисунков: в мешанине линий узнавалась больничная палата, утыканная оборудованием – изображенная явно с позиции кого-то, лежащего на кровати, возле которой возвышалась намеченная несколькими штрихами фигура. Слегка размытая, словно она двигалась.

– Вспомнить пытаюсь, – пояснил Денис. – Я ж ее запомнил, а описать не могу.

Арина и Стас взглянули друг на друга синхронно и в унисон же выдохнули:

– Это не она.

– Как – не она? – удивился Денис. – Я, может, и не бог весть какой художник, руки как чужие, да и забыл все, что умел, но, по-моему, сходство передать получилось. Правда, за маской, шапочкой и халатом не много разберешь, но это уж не моя вина. Глаза вроде запомнил.

– Мы не о твоих талантах, Дэн, наоборот! – соскочив с подоконника, Арина размашисто зашагала по палате, словно подстегивая таким образом мысли. – Если ты запомнил и если нарисовал точно...

– Два «если»... – перебил Мишкин.

– Брось, – она досадливо отмахнулась. – То, что мы видели на камерах, и этот рисунок друг другу не противоречат, скорее уж наоборот, гармонично друг друга дополняют. Значит, считаем, что верно.

– Да верно, верно, я ж не спорю, – согласился опер. – И это точно не она, глаза совсем другие. Можешь расслабиться.

– Да что значит – не она? – Денис переводил глаза с Арины на Стаса и наоборот, явно ничего не понимая.

– Понимаешь, – вздохнул Мишкин. – Мы когда записи с больничных камер просматривали, эту... этого... черт, даже не поймешь, мальчик или девочка... Ты, кстати, сам как думаешь?

– Н-не знаю, – с запинкой произнес Денис после паузы. – Думал – девочка, но это скорее домысел: раз медсестра – значит, девочка.

– Печаль, – опер вздохнул еще глубже, даже языком удрученно прищелкнул. – В общем, мы на этих записях одну нашу... знакомую опознали. Нет, ну не то чтоб опознали, но двигается уж больно похоже. И модус операнди опять же типично ее.

– А если по рисунку – это не она? – сообразил Денис.

– Точно. Только тут, понимаешь, фишка какая. Что это не она, мы и так знали.

– Но думали, что есть вероятность ошибки?

– Нет такой вероятности. Померла она, дамочка та.

– И это абсолютно точно, – вставила Арина. – Я ее тело не только видела, но и, гм, пощупала.

Денис поерзал, словно кресло стало вдруг неудобным:

– Погоди, Стас, ты про кого говоришь? Про ту убийцу, которую Арина поймала?

– Положим, мы ее все вместе поймали, – уточнила Арина. – Но – да, именно про эту. Ее в СИЗО по голове приложили, она... неважно, в общем, на днях она наконец покинула этот мир. Я собственноручно ее тело в морге щупала.

– Все равно не понимаю, – Денис нахмурился. – Если вы знали, что она мертвая, значит, здесь не она была, почему сейчас вдруг вас это так... не знаю... обрадовало? напрягло?

– Да покойница эта была очень... ушлая дама, – неохотно пояснил Мишкин. – Сколько раз она глаза людям отводила, и не сосчитать.

– Хочешь сказать, она могла имитировать собственную смерть? – с явным недоверием спросил Денис. – И скрылась? Как в кино?

– Звучит бредово, да, – подхватила Арина. – Но знаешь – с нее бы случилось. Кто-то же на тебя напал? Да еще дважды. И каждый раз мне приходила эсэмэска, гм, не самого дружеского содержания. Непонятно, пытаются ли меня таким образом отвлечь от какого-то дела или отомстить за что-то, а способ выбран очень в духе Адрианы. Но по твоему рисунку ясно: не она. Хотя сходство есть. Рост, телосложение... А в записи и вовсе сходства куда больше, чем отличий, все – как привет из прошлого: осанка, манера двигаться, общее впечатление...

– И... бывают же похожие люди. Родственники, в конце концов.

– У нее никого не было... – Арина запнулась, скомканно попросилась, строго-настрого велев заниматься не только рисунками, а и списком возможных недоброжелателей. Потому что угрожающие эсэмэски присылали Арине, но нападали-то на Дениса! И раз Адриана мертва, значит, мишкинская версия условной «ревнивой бабы» как минимум имеет право на существование.

Про два нападения на себя саму она решила пока не думать, хотя они-то как раз в эту версию ложились практически идеально. Но, выйдя за двери палаты, она остановилась так резко, словно ударились обо что-то:

– Стас!

– Ты что, привидение увидела?

– Плюшкин сказал, что она рожала! – процедила Арина сквозь зубы, как будто слова были слишком горячим чаем.

– Кто?

– Адриана!

Брови Мишкина вскинулись так резко, будто их кто-то дернул за невидимые ниточки. Потом опустили. Опер покусал костяшки пальцев, помолчал, переваривая информацию, и спросил почти спокойно:

– Откуда он знает?

– Стас, ты что, дите малое? Он ее вскрывал!

– Ладно, ладно, понял. Если Плюшкин сказал, значит, так оно и есть. Ну и что? Был какой-то младенец. Неизвестно, где и когда. Может, кстати, мертвый. И даже если живой, кто и когда слышал, чтоб у Адрианы был ребенок? Никто и никогда. Значит что? Значит, отдала на усыновление. Ну или в роддоме отказную написала, что в лоб, что по лбу. И концов теперь не найдешь.

– Ага, скажи еще, что рожала не в роддоме, а под забором.

– Почему непременно под забором? Может, в Европе где-нибудь. Это ж могло быть двадцать лет назад. Или двадцать пять.

– И как ее двадцать пять лет назад в Европу занесло?

– Ну не знаю... Стажировка, то-се...

– Стажировка патологоанатома?

– Тогда как раз Югославию дербанили, для патологоанатома самое место, там трупов было, хоть бульдозером гребь.

– Но, по идее, информация о подобной стажировке должна была где-то сохраниться? Даже если Адриана ее в своем официальном резюме не указывала.

– Где-то, наверное, должна была. Но официально она заканчивала мед в Питере, а после этого сразу к нам сюда. Или не сразу? Слушай, Вершина, а на что тебе так этот ребенок сдался?

– Да не то чтобы сдался. Но почему-то же мы решили, что на записи больничных камер наблюдения – Адриана. При том, что отлично знали: уж кого-кого, а ее там быть не могло.

– Типа купились на генетическое сходство?

– Типа того, – в тон ответила Арина. – Но с другой стороны, генетика – такая кривая кобыла, что никогда не известно, куда она завезет. Мы вон с Федькой близнецы, а ничего ж общего. И ладно бы он на папу был похож, а я на маму. Или наоборот. Но нет. По отдельности каждый и на маму, и на папу похож, а поставь нас рядом – даже за двоюродных не примешь.

– Только характеры один в один.

– Издеваешься? Я девушка ответственная, а Федька – безбашенный...

– Да неужели? – Стас засмеялся. – Ты, когда прижмет или думаешь, что прижало, тоже берегов не видишь, никакой процессуальный кодекс тебе не указ. И братец твой тоже безбашенный очень выборочно. И с ответственностью у него все окей, папаша-то, считай, образцовый получился.

– Тоже верно. Значит, говоришь, все-таки похожи?

– Еще как! И, кстати, ростом-то вы одинаковые.

– Это смешно, да, – Арина кивнула. – Дядя Федор до сих пор считает, что его актерская карьера не задалась из-за маленького роста.

– И двигаетесь вы похоже. Если его в девчонку переодеть, а тебя в пацана...

– Ладно, убедил. Генетика – как шило из мешка, где-нибудь да вылезает.

– Или не генетика.

– Или не она, – согласилась Арина. – Потому что похожих людей и вправду хватает. Даже конкурсы двойников проводят, это не с бухты ж барахты. А когда мы на больничных камерах как бы опознали Адриану...

– По инерции, Арина свет Марковна. Мы ж сколько времени ни о ком больше и думать не могли.

– Но что-то там все-таки такое было...

– Значит, когда Денис нарисует нам список потенциальных недоброжелателей, будет от чего отталкиваться. В смысле не только от возможных страстей-мордастей, он может и не чують, что кто-то от него, красавца, без ума. Особенно если это не девочка, а мальчик. Ну как с тем курьером, помнишь? – она вспомнила и еще один случай, питерский, но тогда Стаса рядом не было, а «курьера» он собственными глазами видел.

– Точно так, моя прекрасная леди. Есть параметры вариабельные – и это далеко не только усы, спроси любого опера – а есть такие, что черта с два их поменяешь. Так что базовая физика – телосложение, рост, манера двигаться – у нас, получается, есть.

– И если кто-то из списка – косая сажень в плечах или колобковый колобок – таких можно с ходу исключать, – уже почти весело подхватила Арина и вдруг неожиданно для себя самой спросила: – Стас, а куда Стрелецкий подевался? Номер набираю – недоступен, говорят.

– Соскучилась? – опер изобразил ухмылку до того глумливую, что Арина чуть не рассердилась:

– Я серьезно. Хотела спасибо за шумилинское дело сказать, без него я на кладбище ни фига бы не нарыла. А он – недоступен. Даже забеспокоилась немного.

– Выдохни. Жив-здоров, но – недоступен, да. В тайгу он уехал.

– В какую еще тайгу? – переспросила Арина, решив, что это – неизвестный ей элемент оперского сленга.

Но Мишкин пожал плечами. Даже руками развел:

– Без понятия. Он так сказал. В тайгу, говорит, подамся, хорошо мозги прочищает. Ну что ты так на меня таращишься? В отпуске он. И – да, он на тебя запал. Сама, что ли, не видела?

– Да не так чтобы... Я думала, он просто... – она тут же вспомнила, как Пахомов предупредил ее насчет «поаккуратнее с операми».

– Думала она! Говорят, девочки влюбленного опознают, когда он еще и думать в эту сторону толком не начал. А ты как слепая бываешь. Даже если он перед тобой голый плясать станет, не поймешь.

– Если голый, наверное, пойму, – засмеялась она.

– Ким не вовсе кретин, – подытожил Мишкин. – И про Дениса в курсе, в чужой борщ грязными лапами лезть не хочет. Да забудь, он взрослый мужик, разберется.

День второй

* * *

Во дворе Лелик сразу кинулся к детской площадке. Вскарabкался на горку, скатился, жужжа, как большой толстый шмель, полез на веревочную конструкцию, похожую на вывешенную для просушки рыбацкую сеть, не удержался, шлепнулся, но не заплакал – снова полез. И снова – на горку, потом на ажурный «мостик» вроде выгнутой дугой лестницы. Эля только тянула умоляюще:

– Пойдем лучше в парк! Там птички, цветочки, бабочки летают!

Но ему, в его неполные два года, было плевать и на птичек, и на цветочки. И на то, что в парке – зелень кругом, и воздух уж точно свежий. Не то что во дворе, где и машины ездят, и с улицы всеми этими выхлопными газами тянет, и кошки с собаками бегают и наверняка справляют свои надобности. Вот кто по этой горке до того лазил и скатывался? Кто знает, какая там зараза на этих веревках от чужих – наверняка грязных! – ручонок? А если, не дай божечки, свалится? И не удержишь, и не скажешь «нельзя». Потому что не послушает, мотнет головенкой:

– Мона!

Жужжать выучился, то есть с «ж» проблем нет, а вместо «можно» так и лепит свое «мона». И собака у него – то «ба», то «га», и птичка – «ти», а кошка – и вообще что-то непрогнозируемое. Нет, она-то все понимает, конечно – как матери своего масика не понять! Но ведь пора ему и самому начинать разговаривать! Гера только надсмехается: перестань панику на ровном месте разводить, все дети разные. А что он скажет, когда обнаружится задержка развития? Скажет – ты виновата, ты ребенка запустила! Везде пишут, что с малышом, чтоб развивался, надо разговаривать. А когда? Дома – кухня: Лелику-ку отдельно, Гере отдельно, ей самой как получится (на мужниной еде и разжиреть недолго, сам же нос воротить начнет), стирка (машинка сама себя не загрузит и белье потом не развесит), уборка – только поворачивайся. Вот в парке бы и поговорить: эта птичка называется «ворона», а этот цветочек – незабудка, смотри, какой красивенький, голубенький, как твои глазки!

Но до парка еще поди дойди! Нет, Лелику-то что, он в коляске едет. Коляска отличная, дорогая, Лелик в ней, как принц в карете, восседает, а если приморится, можно нажать в двух местах – спинка откидывается, и спи, пожалуйста. Но тяжелая. Да и Лелик – не мальчик-с-пальчик. Не толстый, нет, божечки упаси, но ведь не годовалый уже. Вон как карабкается каждый раз по всем этим... снарядам, век бы их не видеть! Сердце обрывается глядеть. Но – «мона». Гера, как будто и не отец, как будто и не болит сердце за ребенка, всегда ему разрешает, и ей приходится. Говорит – отстань от мальчика, отцепи его от своей юбки, пусть мужик растет, а не размазня сопливая. Синяк посадит – не беда, что за парень без синяков. Парень! Как будто Лелику шестнадцать лет, а не два годика! И тех еще нет! Он же – маленький еще! Лелик. Муж страшно злится: что за слюни разводишь! Ну Саша, ну Шура – а что еще за Лелик? Но он же правда маленький! Масик! Лелик!

И конечно, когда они добрались до парка, Лелик уже устал, из коляски выбираться не пожелал, засопел, задремал – какие там вороны и незабудки! Ну хоть так. Хоть воздухом нормальным подышит, а не всей этой химией.

Издали доносились едва слышные здесь возгласы – возле соседней аллеи разлеглось импровизированное футбольное поле, а рядом с ним – вытоптаный пятачок, где вечно скакали любители пляжного волейбола. Или, может, баскетбола? Эля их путала, а на ту аллею

никогда не ходила. На этой даже бегуны и велосипедисты попадались редко. Вон на скамейке парень держит на коленях перевернутый скейт, ковыряется в его колесиках. На следующей скамейке две бабули чешут языками. На еще одной сидит, устало опустив плечи, еще одна пожилая тетка. Да нет, не такая уж и пожилая, в возрасте Элиной свекрови, а та – дамочка еще в самом соку. Характер бы ей еще поспокойнее, совсем житья нет! Бездельницей Элю в глаза обзывает! Типа ты только и знаешь, что одежками перед незнамо кем красоваться, нет бы лишний раз под плитой помыть! Одежками красоваться, как же! Лелику же надо гулять? Надо! Особенно сейчас. Нет, зимой тоже хорошо, зимой они станут снеговиков лепить и с горки кататься. Но сейчас – лучше.

Эля почти задремала, накрытая тишиной и безмятежностью. Прямо на ходу задремала. Девочки в группе «я мама!!!» многие писали, что засыпают на ходу – обычное дело. И надо стараться отдыхать, потому что зачем же маленькому вымотанная до предела мама? Маленькому улыбаться надо, разговаривать с ним, а поди поулыбайся, когда тебя бездельницей и дармоедкой честят! Эля спрашивала в группе – может, кто посоветует, как свекровь утихомирить – но кроме «на порог не пускать», ничего никто не написал. Некоторые наоборот своих свекровей расхваливали. Повезло. Посмотреть, что там у девочек новенького?

Она едва успела достать телефон и зайти в группу, как зеленую тишину аллеи прорезал женский крик:

– Стой! Держите ее! Она ребенка моего украла!

Эля вздрогнула, остановилась, принялась озираться. Украсть ребенка – это же... это же... Это кошмар! Что, если бы Лелика кто-то... нет! Даже и думать о таком жутко! Если бы не коляска, она бы, наверное, кинулась на помощь неизвестной женщине. Но никого с детьми вокруг не было. Только она сама да вдаль, в темном тоннеле аллеи светило бело-синее пятнышко еще одной коляски. Не сидячей, как у Лелика, а большой, младенческой.

Женщина, кричавшая про ребенка, выскочила из поперечной аллейки за Элиной спиной. Но побежала не в продолжение той же аллейки, а прямо к Эле. Та посторонилась – не можешь помочь, так хоть не мешай.

Лелик, проснувшийся от пронзительного крика, потянулся, выполз из коляски, держась за поручень, отпустил, шагнул вперед.

Та, что кричала про украденного ребенка, как раз поравнялась с Элей и, пробегая мимо и явно не замечая ничего и никого вокруг себя, толкнула ногой коляску. Прямо на Элю! Та взмахнула руками, но удержаться не сумела – шлепнулась на растрескавшийся бугристый асфальт.

И, падая, увидела, как безумная тетка, не прекращая движения, подхватила на руки Лелика!

Это было невысказано! Невозможно!

Эля даже не закричала, таким неожиданным было то, что она увидела. Зажмурилась, потрясла головой – она была абсолютно уверена, что, когда откроет глаза, увидит стоящего за коляской Лелика. Конечно, ей померещилось! Это вспыхнувший внутри страх – что, если со мной, с нами такое? – нарисовал жуткую картину.

Глаза открылись с каким-то странным щелчком.

И ничего не увидели.

Только коляску. Конечно, коляска большая, за ней ничего и не увидишь.

И конечно, ей просто померещилось. Сейчас она встанет и увидит Лелика, как он стоит с той стороны и деловито пытается поднять свою карету. Такой же деловитый, как его папа. Она даже улыбнулась собственным страхам – вот дурочка. Надо будет Гере рассказать. Или нет, не надо, он рассердится. Девочкам в группе напишу, подумала она и попыталась подняться. Коленку прострелило острой болью. И бок тоже. И брюки, наверное, насмерть испорчены. Жалко.

Неловко, боком, как раненый краб, она сдвинулась на метр...
За коляской Лелика не было.

И вокруг – ни в аллее, ни в окружающей ее зелени – тоже. Но ведь прошло не больше минуты! Он и бегал-то еще не очень хорошо, далеко бы не утонул. Даже если бы свернул с аллеи. Костюмчик у него зеленый, но ножки-то голенькие! Издалека было бы видно! И далеко ли такой малыш уковыляет по неровной, покрытой опавшими ветками земле, по зарослям, хоть и не слишком густым, но неприятным? Нет, в лес он не ушел, конечно! Он тут, рядом!

Эля сдвинулась еще немного, заглянула в коляску. Лелик не умел забираться в нее сам, но куда еще он мог деться? Не утащила же его, в самом деле, вопящая тетка?

Внутри коляски было пусто. Эля зачем-то сунула туда руку, пощупала спинку, пеструю подушечку на сиденье.

Она даже закричать не смогла – горло перехватило от ужаса.

Надо бежать за этой ненормальной!

Уже не обращая внимания на стреляющую в коленку и в бедре боль, она поднялась. Нога, на которую Эля упала, слушалась плохо, но она поковыляла – криво, спотыкаясь, совсем некрасиво, как старая бабка. Ну давай же, давай, переставляй ноги!

И тут чьи-то руки схватили ее сзади. Обхватили, как гигантские клещи.

– Куды это ты поскакала? Нету такого закону, чтоб чужих детей воровать!

Неловко извернувшись, Эля заглянула за спину. Тетка, что сидела, сгорбившись, на скамейке – а может, другая, но вроде того, с таким же суровым «явсегдаправа» взглядом, как у свекрови – держала крепко.

– Пустите! Я ее догоню!

– Ишь чего удумала! Догонит она!

– Да как вы смеете? Пустите!

Но та держала крепко.

Парень со скейтом, бросив свою доску на скамейке, огляделся растерянно, подошел, остановившись шагах в трех. Глядел опасливо, но Эля посмотрела на него, как на спасителя:

– Помогите! Я... – горло перехватило так, что слова через него проходить не хотели. – Та женщина... – рыдания рвались неудержимо, Эля вдохнула поглубже, пытаясь справиться, но где там! – Ребенок, мальчик... – только и смогла выговорить.

Слезы хлынули градом, грудь жгло, рыдания сотрясали все тело. Если бы та, похожая на свекровь, не держала так крепко, Эля опять упала бы.

– Может, полицию вызвать? – неуверенно предложил скейтист, вытаскивая телефон. – Или сами разберетесь?

– Полицию? – Эля вдруг испугалась.

Если вызвать полицию – значит, все взаправду? Значит, Лелика действительно... нет!

Она замотала головой, словно отгоняя страшное. Но все еще державшая ее тетка веско заявила:

– Что, испугалась? Непременно надо полицию! Они тебе быстро объяснят, как чужих детей присваивать...

От ужаса Эля даже плакать перестала:

– Да как вы не понимаете?! Это моего ребенка она унесла! Видите, у меня и коляска, и все остальное...

– И коляску спроворила, ишь какая! Ребенок тебе что, кукла, что ли?

– Вы... вы сумасшедшая?

– Я те покажу – сумасшедшая!

* * *

«...год и десять месяцев... рост... вес... волосы русые, слегка вьющиеся... глаза голубые... за правым ухом родинка... одет в зеленый льняной костюмчик (шортики и рубашка с коротким рукавом)...» «Зеленый – это жалко», – подумала Арина, еще и бейсболка в тон, не за что глазу потенциальных свидетелей зацепиться, вот если бы какой-нибудь вырвиглазно-оранжевый... Строчки прыгали по слегка измятому листу вкривь и вкось – писал Мишкин, надо полагать, на весу – но почерк у него был крупный, округлый, как у школьника. Не то что у самой Арины – угловатый, почти рваный, с резко выпрыгивающими из строчки переключателями «р», «у», «в» и даже «к», которая получалась как бы английской.

Волосы русые, глаза голубые...

У сидящей напротив девушки – назвать Элю Семину женщиной язык не поворачивался – волосы тоже были светлые, немного вьющиеся, и глаза тоже голубые.

К чаю она не притронулась.

«А ведь ей, – подумала Арина, – наверняка хотелось пить». Не может не хотеться. На прогулку они вышли еще утром. Во всяком случае до обеда. Прогулка. Похищение. Расспросы полиции. Расспросы! У любого пересохнет горло!

Но чашка, заботливо принесенная Евой в Аринин кабинет, так и стояла перед Элей: через край жалко свешивается ярлычок чайного пакетика, на блюдце – ложечка и пять кусочков сахара. При стрессе нужно что-то сладкое. Но Эля даже не смотрела на остывающий чай.

Это могло не значить ровным счетом ничего. Хотя, может быть, для несчастной Эли эта чашка сейчас – часть той жизни, что была до. И здесь, в «после», ей просто нет места. Или – и это тоже возможно – жажду и пересохшее горло Эля подсознательно считает наказанием. Карой. Не уберегла! Не уследила!

Арине вспомнилось, как герой Дика Френсиса, полжизни посвятивший переговорам с профессиональными похитителями, успокаивает мать, непрерывно повторяющую: «Я только-только отвернулась! Толькотолько!»

– Вы ни в чем не виноваты, – мягко говорил герой, имени которого Арина не помнила. – Если малыша решили похитить, его бы все равно похитили.

Решили.

В том детективе дело, разумеется, было в выкупе. Но здесь? Элин муж – не олигарх какой-нибудь, Молодцов сказал – автослесарь. Хотя, конечно, что считать деньгами. Для кого и миллион – на мелкие расходы, а для кого-то и сто тысяч рублей – недостижимая мечта...

С момента похищения мальчика прошло больше трех часов, а требований о выкупе не поступало. Телефон, краешек которого виднелся из Элиного нагрудного кармана, молчал.

Так было ли это похищение спонтанным или спланированным?

Арина готова была поставить четыре к одному на второй вариант. Даже пять к одному. Слишком уж оно было наглое, слишком рискованное – и, однако, удачное. Люди вокруг были, хоть и немного. Любой мог ведь броситься на помощь. А случилось ровно наоборот. Да, все произошло очень быстро, никто ничего и понять не успел. Но сама эта стремительность... Либо похитителю – похитительнице – сопутствовало какое-то невероятное везение, либо...

Либо.

Привлекающий – а на самом деле отвлекающий – внимание крик, использование собственной Элиной коляски, спокойствие мальчика – он ведь не заплакал, не закричал, когда его схватила чужая тетя... Наитие или продуманность? Спонтанность или план? Везение или тщательная подготовка?

Впрочем, нельзя – пока нельзя! – сбрасывать со счетов и какую-нибудь сумасшедшую. Месяца не прошло, как Арина видела такую же. И дети следовали за ней послушно, без криков и плача.

– Эля, у вас фотографии сына есть?

– Конечно! – рука вытащила телефон стремительно, как будто он выпрыгнул из кармана сам по себе, но вспыхнувшие было глаза столь же мгновенно потухли. – Аккумулятор сел...

– Подождите минутку...

Эля кивнула послушно, как кукла.

До приемной Арина добежала секунд за двадцать:

– Евочка, у тебя случайно зарядок телефонных нету? Ты же запас...

Коробка с путаницей проводов появилась на столе быстрее, чем она успела договорить.

– Спасибо, Ев! – крикнула она уже из коридора, прижимая к животу добычу скрещенными на удачу пальцами: только бы в этих неведомо как копившихся запасах нашлось подходящее устройство.

Нашлось.

Телефон пристроили на крышу сейфа. Арина почему-то думала, что аппарат, стоит ему включиться, сразу подаст голос. Но увы.

– Эля, когда мы здесь закончим, домой вас отвезет наш сотрудник. И... телефонные звонки, письма – все это нужно будет контролировать. Все аппараты по умолчанию поставить на запись, ну и все остальное...

– Они... выкуп потребуют?

– Не исключено.

– Но... у меня... у нас ничего нет! Как же...

– Ничего – понятие относительное. Ваш муж хорошо зарабатывает?

– Ну... да. У них с Мироном автосервис. С Мироновым, это друг его.

Значит, не просто автослесарь, а совладелец бизнеса? Не олигарх, но и не от зарплаты до зарплаты. Хотя еще неизвестно, в каком состоянии этот сервис. Арина черкнула в лежащем перед ней блокноте: партнер? кредиты? финансовые конфликты? Ладно, это пусть опера коллег-«экономистов» поспрашивают, покопаются. Элято вся на семье заиклена – кстати, кем она до свадьбы трудилась? – вряд ли она в курсе. Но Арина все же спросила:

– Может быть, конкуренты обиженные? Или кредиторы?

– Я не... я не знаю. Гера мне про дела никогда не рассказывает. Я в этом не понимаю ничего.

– Эля, а вы по профессии кто?

– Какое это имеет значение? Ну бухгалтерские курсы после школы закончила, но там сразу такое хорошее место подвернулось – в турагентстве.

– Бухгалтером?

– Да ну, кто меня без опыта возьмет. Менеджером, мы и с Герой там познакомились, он тур выбирал.

– И в его автосервисе вы с бухгалтерией никогда не помогали?

– Нет. Я уже и не помню ничего с этих курсов.

– Вам в последнее время не угрожали? Звонков странных не было?

– Н-нет. А разве... – она не договорила.

– Эля, – как можно мягче произнесла Арина, понимая, что сейчас та взорвется от возмущения. – Эля, высока вероятность, что за всем этим стоит кто-то, кого вы знаете. Когда вы замуж выходили, никто из ваших подруг вас не отговаривал? Не завидовал?

– Да что вы! Все за нас радовались... – она вдруг помрачнела.

Как будто тень пробежала. Арина, пристально следившая за заплаканным, в некрасивых пятнах лицом, эту тень тут же подхватила:

– Все? Может быть, кто-то все же был недоволен? Родственники? Подруги? Может быть, Гера сперва за кем-то еще ухаживал, а потом на вас переключился?

Попала! Элины глаза расширились, потемнели:

– Нет! Она не могла!

– Она – это кто?

– Татка. То есть Наташа Ахметова, мы с ней учились. Гера за ней немного ухаживал. Раньше... Но у них ничего серьезного не было!

– Ладно, с ней мы сами поговорим. Вы с мужем хорошо живете?

– Очень! – она всплеснула руками. – Нет, ну он иногда... он же не профессор какой-нибудь, который «мерси» да «пардон» через слово сыплет.

– А изменять он вам не изменял?

И опять по мягкому заплаканному лицу проскользнула тень. Эля закусила губу:

– Я не... Я не могу объяснить.

– Попробуйте.

– Да вы, наверное, сами знаете, везде же пишут: когда мужчины с друзьями на рыбалку или в баню собираются, там... Но это же не измена!

– Пожалуй, что и так, – медленно проговорила Арина, подумав, что не такая уж эта Эля и «клуша», глубинной женской мудрости в ней довольно, а это в жизни полезнее всех прочитанных книжек и даже ученых степеней. – Если вы говорите, что живете с Герой хорошо, так и будем считать. А родственники – ваши или его – тоже так считают?

– Мать его... – Элин рот горько скривился. – Но это же не может быть она! Она Лелика любит как сумасшедшая! Она только сперва меня воспитывать пыталась, а когда он родился... Нет, она и сейчас... но... нет, вы не думайте, она просто... она думает, что...

– Что ее сын мог бы найти себе кого-то лучше?

– Ну... да, – она шмыгнула носом.

– И ничего больше?

– А что еще?

– Нет-нет, ничего.

– Но вы же не думаете, что... Почему вы глупости спрашиваете? Почему вы...

– Тише, Эля. Вы же понимаете, что сначала нужно исключить всех, кто точно не имеет к этому отношения.

– Да... наверное... Только... что нам делать, если выкуп потребуют?

– Погодите. Если и когда потребуют, тогда решим, что делать.

Требование выкупа, подумала она, – худший из возможных вариантов. И вовсе не потому, что «ничего нет». Похитителям, сумевшим урвать свой куш, ребенок не нужен. А возвращать его... сложно. Проще убить. Если все ради выкупа – могли и сразу...

Сердце кольнуло ледяной иголкой. Стоп. Не время. И сразу – нет, если не полные идиоты, то вряд ли уже убили. Вдруг осиротевшая семья потребует подтверждения, что ребенок жив? А подтверждение – это видео или как минимум фото с какой-то привязкой, с маркером, указывающим время. Так что нет, рано пугаться. Сейчас мальчик еще жив.

– Погодите. Вы сказали – «они»? Та женщина была... не одна?

– Н-не знаю. Там еще кто-то мелькал... не знаю. Путается все.

– Вспоминайте.

Женщина вдруг как будто взорвалась:

– Зачем вы тянете время? Почему вы не ищите Лели-ка?! Вы должны его искать, а вы...

– Эля...

– Что – Эля?! У меня пропал ребенок! Он сейчас... где-то! Он напуган! А вы... вы... сидите тут и спрашиваете одно и то же!

– Эля, это, видимо, жестоко звучит, но возьмите себя в руки. Сейчас от вашего самообладания зависит жизнь и здоровье вашего ребенка.

– У вас нет сердца!

– Сердце тут не поможет. Вы, похоже, лучше меня знаете, как мы должны искать вашего мальчика. Как?

– Н-не знаю... Но надо же что-то делать, а не сидеть тут! Это вы должны знать – как! Это ваша работа!

– Вот и не мешайте мне делать мою работу. Хотя бы не мешайте. Если уж не желаете помогать.

Женщина сникла так же мгновенно, как и вспыхнула:

– Я... как же... я желаю...

– Тогда выбирайте. Либо вы рыдаете и обвиняете меня и всех на свете, либо берете себя в руки и помогаете.

Это было жестоко. И девочку эту было жаль до комка в горле. Но время, время... Арина физически чувствовала, как стремительно и неотвратно убегают секунды, минуты... Да, статистика, утверждающая, что, если похищенного не найти в первые двадцать четыре часа, вероятность его спасения падает почти до нуля – да, это всего лишь статистика. И случаи бывают... разные. Но скучное слово «статистика» означает... большинство. Хотя именно этот случай, скорее всего – не статистический. И надежда – есть. Пока еще есть.

Эля была к похитительнице ближе всех. И пусть она клянет бессердечную следовательшу – потом. Арина переживет. Сейчас нужна информация. Любая. Сейчас пусть вспоминает.

Жестоко. Но вроде помогло.

– Но как же я могу...

– Вспоминайте все до мельчайших деталей. Почему вы сказали «они»?

– Я не знаю! В кино всегда говорят «похитители». Я... не знаю. Я не помню, не заметила! Может, и был еще кто-то! Я же не смотрела... Если бы я его на руках несла! Но он большой уже, тяжело. Или за руку вела бы! Ничего бы и не было! Недаром кольцо пропало! – в голосе опять зазвенели слезы.

– Какое кольцо?

– Мне его Гера подарил, когда предложение делал! Я их вместе ношу, – она показала палец с золотым ободком. – У нас вот это называют обручальным, а в Англии, я читала, это венчальное называется, а обручальное – то, которое дарят в день помолвки. Только я его не всегда надевала. Оно с камушком, я боялась Лелика поцарапать, понимаете?

– И оно пропало? Давно?

Эля закивала:

– Давно. Нет, не очень. Не знаю... Я... путается все. Я Гере боялась сказать, он и не следит, что там у меня в шкатулке.

– Он бы рассердился, если бы узнал?

– Конечно!

– Давайте все-таки закончим с описанием той женщины. Как она выглядела?

– Я же ее почти не видела. Так быстро все случилось. Она такая... такая... ну... обыкновенная. Юбку помню. Длинная, широкая, темная, вроде синяя, что ли, или зеленая. Кажется, в цветочек. Или, может, штаны. Знаете, такие... вроде шаровар. Сверху майка, ну, футболка. Зеленая.

– На голове было что-то?

– Панама вроде. Или нет? Не помню.

– Панама? Бейсболка? Или непокрытые волосы?

– Волосы, кажется, в хвост забраны. Или, может, стрижка?

– Так хвост или стрижка? Вы же на нее сзади смотрели.

– Н-не знаю. Я упала и... И вроде бы очки у нее были, темные. А! Сумка! Сумка была! Большая, клетчатая. На белом фоне клетки.

Клетчатая сумка?

Единственная, хоть сколько-нибудь яркая деталь, отличная штука для отвлечения внимания, и это значит, что сумки, скорее всего, уже не существует. Но кто знает? Полистав папку с фотографиями в смартфоне, Арина нашла нужный снимок:

– Посмотрите, эта женщина не похожа?

Эля нахмурилась, вглядываясь:

– Вроде она. Я... плохо ее запомнила... я... растерялась... А это она? – в покрасневших, опухших глазах засветилась надежда. – Вы знаете, кто это? Да? Знаете? Значит, вы ее поймаете? – оживление схлынуло так же стремительно, как и зажглось. – Что же теперь будет?! – всхлипнула она и опять разрыдалась.

Неужели Зинаида?

С одной стороны, та тоже хватала детей по идейным соображениям. То есть никаких тебе требований о выкупе. Но Зинаида не интересовалась младенцами, и главное – Зинаида сейчас должна сидеть в стационаре. Вряд ли после последней попытки похищения ее так быстро выпустили.

И – пропавшее «обручальное» кольцо?

* * *

– А чего коляску-то оставили? Я думал, ее криминалисты заберут, ну там отпечатки, еще чего-нибудь. А то стоим, как три тополя на Плющихе.

Стояли, собственно, лишь двое. Третий, которому велено было не допускать до «места» настырных зевак и просто случайных прохожих, сидел на спинке скамейки почти спиной к аллее, расслабленно попыхивая сигаретой. По сторонам глядел, конечно, но прохожих в обозримом пространстве не наблюдалось, а из зевак остались только две бабульки на дальней скамеечке.

Но несмотря на некоторую неточность замечания, старший из стоявших, невысокий, кряжистый, явно разменявший уже четвертый десяток и приближавшийся к пятому, лишь хмыкнул. Если парень пользуется сравнениями из советской киноклассики, а не из какого-нибудь блокбастера, ну и хорошо. Не то что некоторые – он неодобрительно зыркнул на сидящего сержанта – которым одни космические боевики подавай, бах-бах, дзинь, пиу-пиу, ух, круто. И на работу потом глядят, как на скучную повинность. А из этого парнишки, пожалуй, толк будет. Интерес имеется. Вслух же сказал почти укоризненно:

– Так собаку же ждем.

– Да это ясно. А коляску-то... – он наклонил белобрысую голову к правому плечу, как щенок, столкнувшийся с чем-то неизвестным, непонятным.

– Балбес, – ласково объяснил старший. – Собаке ж чего-нибудь понюхать надо. Как она поймет, чей тут где след?

– А, ну да, – вздохнул молодой и тут же оживился. – Слуш, а ты не в курсе, кто приедет? Ну из кинологов.

– Кого пришлют, тот и приедет, а тебе зачем?

Молодой мечтательно закатил глаза:

– Там у них такая деваха есть – огонь!

Старший добродушно усмехнулся:

– Ну и давно бы подкатил, чего облизываешься-то?

– Говорю же – огонь! Я подкатил, типа позвольте вас... и приобнял так, слегка...

– И что?

– Что-что! Хотел-то сказать «позвольте вас пригласить», ну чтоб вежливо, культурно, в кино там или в кафе какое, а договорить не успел, она мне сразу – р-раз! И по физиономии.

– Ты чего, анекдот, что ли, не знаешь?

– При чем тут анекдот?

– Темнота ты. Поручика Ржевского юнкер молоденький спрашивает, как ему удастся столько дам обхаживать, ну а тот типа объясняет, подхожу, говорит, и вежливо так: «Позвольте вам впендюрить?» Юнкер в изумлении: «Так в морду же даст!», а Ржевский ему: «Может. Но чаще впендюривал». Дошло?

– Она решила, что я хотел сказать... ой.

– Салага. Надо было не так. Подходишь и спрашиваешь: «Оленька, ну или там Галочка, вы что предпочитаете: кино или театр?» Ну или шоколадкой бы угостил. К примеру. Ее как зовут-то?

– Да не знаю! Я даже лычку с фамилией на кармане прочитать не успел.

– И что, спросить после не у кого было?

– Да ну, они ржут как кони, а я спрашивать буду?

– Экий ты нежный. Смеялись-то за дело, а?

– За дело. Слуш, а чего следачка прискакала, понюхала и ускакала сразу?

– Ну так мать повезла опрашивать, та, конечно, в шоке, но надо-то по горячему, а здесь у нее в глазах одно и то же стоит, в итоге сплошная истерика и никаких показаний. Глядишь, в кабинете чутка в себя придет.

– Этой следовательнице все в рот смотрели, как будто она... ну не знаю, с неба спустилась. Не, мне уж объясняли, что на месте преступления, – «место преступления» он произнес медленно, словно смакуя, – что следователь типа самый главный. Но перед этой все как-то совсем уж прыгали. Жена, что ли, чья-то? Генерала какого-нибудь. Или дочка? Или... – он замялся, видимо, стесняясь просившегося на язык слова «любовница».

Старший щелкнул его по лбу – несильно, лишь обозначив:

– Ты это смотри, не ляпни кому-нибудь. Эта тетка сама по себе, без всяких мужей, хахалей и папочек. Ей палец в рот не клади, по локоть откусит. Дело свое туго знает. Ушлая... – он не договорил, прищурился. – Идут, кажись.

Через несколько секунд из поперечной аллеи выскочила овчарка, в затоплявшей аллею густой тени выглядевшая почти черной. За ней стремительно шагала худенькая девушка в форме. Переброшенная через плечо русая коса казалась слишком толстой для субтильного тела.

– Ой! – молодой зажал ладонью рот и даже сгорбил, словно стараясь стать меньше, чтоб его не заметили.

– Ты чего? – удивился было его напарник, но тут же догадался. И удивился еще больше. – Это что, это вот эта и есть, которая тебя... приласкала?

– Ага.

– Огонь? Да там же ухватиться не за что.

– А глаза какие! А коса – ты такую косу у кого-нибудь сегодня видел? У кого есть, все, как их, наро-щенные, а эта настоящая, зуб даю.

– Коса знатная, это да, – согласился старший. – Ну так не теряйся.

– А как...

Договорить молодой не успел, девушка была уже возле. Окинув ожидающих быстрым взглядом, чуть дернула бровью и сообщила:

– Старший сержант Ноздрева.

– Старший сержант Ухов, – в тон ей ответил кряжистый. – Ждем вас. Посторонних не допускали, так что лишних запахов быть не должно, товарищ старший сержант.

Девушка улыбнулась, мимоходом потрепав присевшую у ноги псину по настороженно торчащим ушам:

– Можно Наташа.

– Ну а я Степан Константинович. Можно дядя Степа.

Девушка улыбнулась еще шире. Вот уж, кажется, ничего общего не было у старшего сержанта с михалковским героем, способным, как известно, с высоты своего роста запросто дотянуться рукой до светофора. Разве что добродушие. И глаза – ярко-голубые, веселые.

В ответ на улыбку девушки Ухов тоже ухмыльнулся. Про дядю Степу она, значит, знает. И с собачкой вон как грамотно управляется, без сюсюканий, но ласково. А что тощая, так были бы кости, мясо нарастет, да и то сказать, это уж кому что нравится. Ничего так девчонку младший высмотрел. И Степан Константинович незаметно ткнул парня в бок, чтоб не зевал. Тот вздрогнул, но, прикусив губу, вступил в разговор почти уверенно:

– А ее как зовут?

– Туча, – довольно сухо ответила хозяйка.

Ну точно, она его узнала! Но ведь Степан Константинович советовал не теряться...

– Какая ж она туча? – спросил он. – Тощая, как скелет.

– Молодая еще, заматерееет, – чуть мягче объяснила девушка. – Будет настоящая грозовая туча. Она слишком темная для овчарки, щенком вообще черная была, да еще как шерсть растопырит, оскалится, ну туча тучей, и молнии из нее торчат. Так-то она из овчарок, но масть слишком темная. Небось, бабушка ее с доберманом согрешила. Или с догом.

– А я думал, в служебные только чистокровных берут.

– Это смотря какие служебные, – она опять легонько потрепала Тучу по ушам. – У наркологов и дворняг хватает. Но там срок службы короткий совсем – два года, три. Потому им много собак надо. Аэропорт здоровенный, вокзал тоже, ну и автомобильные трассы, особенно те, что в южном и юго-восточном направлениях.

Наркологами в обиходе называли ребят из наркоконтроля.

– А чего коляска на боку? – уже совсем деловито спросила Наташа. Туча, мгновенно среагировав на изменение тона хозяйки, подняла морду, изобразив радостную готовность – давай работать, да?

– Похитительница ее, убегая, пнула, прямо матери под ноги, – объяснил дядя Степа.

– Ясно-понятно. Значит, мать с той стороны приехала. А похитительница откуда взялась?

– Вроде из поперечной аллеи выскочила, вон из той, дальней.

– Ясно-понятно, – повторила девушка. – То же направление. Ребенка прямо из коляски выдернула?

– Говорят, мать остановилась, он вылез, и тут та тетка налетела. Коляску на мамашу пихнула, а мальчика на руки подхватила, он и пикнуть не успел. Коляска опрокинулась, мамаша шлепнулась. Ну и тетка тем временем сбежала.

– Ничего, Туча разберется, куда она сбежала. Вылез мальчишка, должно быть, в эту сторону... Значит... Давай, девочка моя, поработаем, – она опустилась рядом с собакой на корточки, обняла ту за шею и зашептала что-то в треугольное ухо. Ухо вздрагивало, черный блестящий нос тоже.

Через минуту Туча кивнула, обнюхала старательно и коляску, и дорожку... и потрусила в обратную сторону. Наташа осталась возле Ухова. Тот молчал. Раз хозяйка собаку свою не останавливает, не зовет, не говорит, что та ошиблась, значит, нечего под руку лезть.

Добежав до дальней поперечной аллеи, Туча нырнула туда, но через мгновение опять появилась, замерла, гавкнула коротко.

– Хорошо, девочка, умница, иди ко мне, – скомандовала Наташа. – Из той аллейки похитительница выбежала. Можно будет потом этот след отработать, – пояснила она Ухову.

Он кивнул, но спросил:

– А это не мамашин след?

– Что вы! Вы же видели, где она нюхала. Мамочка, насколько я понимаю, вот тут упала, – Наташа носком кроссовки показала на маленькое темное пятнышко.

– У нее рука была ободрана, вот так, – дядя Степа провел пальцами от основания правого мизинца до выступающей косточки запястья.

– Значит, это ее кровь. А Туча к ней даже не прикоснулась. Нет, она умница, она нужный след взяла. Сейчас пойдем смотреть, куда наша бандитка убежала. Вы с нами пойдете?

Ухов покачал головой.

– Вот его возьми, – он кивнул на маявшегo рядом младшего. – Я криминалистов подожду.

– А вон тот? – она указала на сержанта, словно прилипшего к скамейке.

– Не, бери Костика, – возразил Ухов. – Он никогда еще работу кинологов не видел, пока тебя ждали, аж извелся весь, интересно ему поглядеть. Опять же... – он ухмыльнулся. – Ты Ноздрева, он Носиков, грех такой случай упускать. А тот Горлов. Не бьется, сама видишь.

Девушка чуть поморщилась, но, бросив короткий взгляд на перепуганное лицо упомянутого Носикова, спорить больше не стала, только заметила:

– Забавный у вас комплект: Ухов, Горлов и Носиков.

– Ну да, ухо-горло-нос, как врач, – усмехнулся дядя Степа. – Я когда служил, у нас в соседней части были Ручкин, Ножкин и Головкин, так их специально старались скопом в караул отправлять.

Девушка засмеялась, но, взглянув на Тучу, что замерла за коляской, вытянувшись в струнку и от неудержимого стремления рвануться за неодолимо влекущим запахом только что не повизгивала, посерьезнела:

– Работаем.

Собака тут же сорвалась с места, Наташа стремительно зашагала за ней, Костик – следом.

Овчарка бежала, то опуская нос к самому асфальту, то поднимая его вверх, словно запах тянулся над аллеей невидимой струей. Вторая аллея, наискось к той первой, следующая – почти перпендикулярно... Метрах в тридцати за поворотом поперек аллейки стоял коренастый буланый конек, всадник которого, прижав к асфальту пакет, сгребал в него широкой пластиковой лопаткой свежую лепешку и сердито бормотал:

– Дотерпеть не мог? Как маленький, честное слово! Смотри, какое безобразие! А если ребенок какой побежит, упадет и прямо в твое... искусство? Фу на тебя!

Буланый только пофыркивал. «Безобразие» с асфальта уже почти исчезло, но запах! Запах, казалось, заполнил всю аллею. Костик даже охнул с досады – вот принесла нелегкая!

Но Туча, обогнув воздвигшееся на пути препятствие, лишь на мгновение приостановилась, дрогнула чутким своим носом и полетела дальше.

– Ох, – выдохнул Костик. – А я испугался...

– Обижаете, товарищ Носиков, – засмеялась девушка. – Это нам нипочем. Вот если бы всю аллею, к примеру, дегтем залили... Да и то. Добежали бы до конца помехи и поискали бы след там. Чтоб Тучу сбить, кучки навоза совершенно недостаточно. Парк, кстати, уже почти закончился, вон просвет. Если повезет... тьфутьфу, чтоб не сглазить!

Аллея, в которой «набезобразил» буланый конек, упиралась в шоссе. Костик припомнил план: это левая сторона парка, дальше промзона, потом пятиэтажки, а если обойти парк вдоль шоссе, там девятиэтажки, несколько точечных башен и небольшой торговый центр. На той стороне шоссе...

Туча, добежав до торчавшего слева стеклянного павильона, обогнула его и вдруг, гавкнула и уселась подле, оглядываясь на хозяйку.

– Не повезло, – вздохнула та, сунув, однако, к собачьей морде ладонь с каким-то лакомством. – Умница, Туча. Не расстраивайся, ты не виновата, ты все отлично отработала. А что след пропал – ну... бывает.

– Затопали?

– Да ну! Кто затопал-то? Тут ладно если пять человек в час бывает. Времени-то прошло всего ничего. Нет. Туча гавкнула и села четко на конкретном месте, а не ко мне подошла. И конкретное это место почти на проезжей части. Уехал наш объект на чем-то.

– Ее тут машина, что ли, ждала?

– Это уж я не знаю, у меня волшебного хрустального шарика нет, чтоб в нем все видеть.

Кажется, она уже не сердится, подумал Носиков, с опаской косясь на спутницу. Но тут же принялся с серьезным видом осматривать окружающее.

Осматривать, правда, было особенно нечего. Стекланный павильон, где Туча потеряла след, был троллейбусной остановкой – над дорогой тянулись провода, да он и так знал, схему транспорта специально учил, едва начав работать. Через дорогу, еще левее – такой же стекланный «кирпичик». Там останавливались встречные троллейбусы. Один из них еще виднелся вдали, где серая полоса асфальта сливалась в точку, – маленькое синее пятнышко.

Основной вход в парк был справа, совсем недалеко, арку с облезлыми буквами «Пионерский» было хорошо видно. Там из фонарного столба торчала желтая кнопка и светился красным человечек на знаке пешеходного перехода. Изредка в ту и другую сторону пролетали редкие машины. Дорога называлась Машиностроительный проезд и особой популярностью не пользовалась. Вот шоссе, в которое вытянутая «капля» парка упиралась другим своим концом – там да, там настоящее шоссе. А здесь – пустыня. И свидетелей, если что, не найдешь. Носиков вздохнул.

Почти прямо напротив арки торчали несколько секций бетонного забора, на которых было криво, но крупно намалевано «ШИН АМАН ТАШ», а правее, сразу за бугристыми бетонными плитами, устроилась маленькая автозаправка. Из-под бледно-зеленого навеса виднелось что-то темное, вроде ласточкиного гнезда.

– Ух ты! – почти восторженно воскликнул Носиков. – На камеру наблюдения похоже.

Наташа, прищурясь, посмотрела туда же.

– Камера и есть. И если она рабочая, да еще и пишущая, считай, ты молодец.

– А бывают не пишущие?

– Все бывает. Еще и муляжи бывают. Хозяева экономят же. Тут не угадаешь.

– И чего делать-то теперь? – Костик, растерявшись, смотрел на девушку с надеждой.

В ее же взгляде было что-то непонятное, хотя совет она дала простой и разумный:

– Позвони Мишкину, они с Молодцовым сейчас главные.

– Мишкин – это кругленький такой? Со следовательницей приезжал.

– Точно. Или, хочешь, я сама ему позвоню, – и прищурилась.

Как будто интересно ей было: согласится новичок переложить ответственность на старших или попытается что-то сам предпринять. Костик не верил ни в какую телепатию, но сейчас готов был собственные ботинки прозакладывать за то, что взгляд Наташин он прочитал верно. И осторожно предположил:

– Так, может, они эту камеру уже сами нашли?

– Вряд ли, – угол нежного рта едва заметно дрогнул, но мысль свою девушка пояснила. – Выходов у парка сколько? Нет, ясно, что в итоге по всем пришлось бы пройти. Но лишнюю работу делать – дурных нема, время дорого. Ну что, звонить?

– Не, погоди, – остановил ее Костик. – Дай я сам туда сперва схожу разузнаю. А то вдруг это муляж, буду дурак дураком. Ну и время они потеряют, ты ж говоришь, время дорого. А мне сбегать две минуты.

– Тоже верно, – девушка посмотрела на него не только не сердито, но почти уважительно. – И попробуй договориться, чтоб записи выдали. Может, тебе в итоге еще и поощрение какое выпишут.

– Да ладно, поощрение, – смутился Костик. – Пацана бы найти. Ужас какой-то, у меня в голове не укладывается. Не, я читал, что педофилы...

– Ты пока погоди пугаться-то, – перебила Наташа. – Во-первых, это работе мешает. И эмоции, и предвзятость. Почему сразу «педофилы»? Они ж все более-менее на учете. Да и маловат пацан-то, педофилам все-таки постарше подавай.

– А кто ж тогда?

– Да мало ли! Баба какая-нибудь ревнивая. Или свекровь. Ну то есть семейные какие-то разборки.

– Семейные? – он вытаращился в изумлении: про то, что похищение мог организовать кто-то «свой», ему и в голову не приходило.

– Можно подумать, ты никогда не слышал, как свои же друг у друга детей воруют.

– Слышать-то слышал, но... Я подумал... у нас в классе придурок был... кошек ловил и... даже вспоминать тошно, мы ему сколько раз рыло чистили, а он не унимался. И таких ведь немало.

– Встречаются, – наташины глаза сверкнули так, что если бы сейчас поблизости оказался один из таких... придурков, гореть бы ему синим пламенем. – Ты думаешь, кому-то наскуучило баловаться с кошками, и он решил, что дети – забавнее?

Лицо девушки закаменело так, что ответить Костик не решился. Но она вдруг встряхнула головой:

– Да ну, бред. Тетка же была. А тетки – это совсем другая история. У моей сеструхи свекровь... ай, ладно. чего время терять.

В черном квадратике опять мигал зеленый человечек – кнопку Костик нажимал уже третий раз. Давно надо было бежать к этой автозаправке! Пока он тут лясы точит, похищенный мальчишка... кто знает, что с ним сейчас?

Но прежде чем идти через дорогу, он обернулся:

– Наташ, а вы... вы мороженое любите?

– Фисташковое, – сообщила она совершенно невозмутимо.

– А такое бывает? – почему-то растерялся он. – Это ж орехи вроде.

Господи, она ведь только посмеется! Подумает – что за деревенщина. Но Наташа глядела, хоть и насмешливо, но по-доброму. И не уходила! Наоборот – дошла с ним до самого перехода, пусть это и всего метров пятьдесят, но все-таки!

– Можешь мне не «выкаты», – сказала она вдруг, – а то я чувствую себя старухой. Тебе сколько годиков-то, рядовой Носиков?

– Двадцать два.

– Ровесники, значит. А такое ощущение, что я тебя на десять лет старше, ей-богу. Откуда ты такой... не обижайся. Ладно, пойдем вместе, а то мало ли кто там командует. Некоторые нос задирают, пальцы гнут. Ты ж рядовой, считай, ноль без палочки, даже Туча тебя солиднее. Да не куксись, это все временное. Ты думаешь, ты сопливый и ничего не понимаешь и не умеешь? Про семейные разборки даже не подумал, переживаешь чуть не слезы из глаз. Не куксись, говорю! Сама такая была. Поднимешься. Еще и в академию поступишь.

Она говорила с ним, как, наверное, разговаривала со щенками в питомнике. И это было совсем не обидно! Наоборот!

– Ну... я вообще-то хотел, только...

– Не дрейфь. Камеру ты ж углядел. И сообразил, как действовать.

– Это не я сообразил, это вы... ты мне подсказала.

Наташа засмеялась.

– Шагай. Как потопаешь, так полопаешь – основное правило службы. И это не про заработок.

* * *

– Не возражаешь?

– Конечно, – улынулась Арина.

Надежду Константиновну Яковенко, старейшего следователя подразделения, знаменитую своей профессиональной памятью, за глаза называли, разумеется, Крупской. У Арины и мысли не мелькнуло возразить. Хоть и непорядок – врываться во время допроса, но это же не кто-нибудь, а Надежда Константиновна! Если пришла, значит, так надо. Да и вообще: когда в деле не видно ни одной – хоть какой-нибудь! – зацепки, за соломинку хватаешься. А Крупская – не соломинка, а целый спасательный плот.

Эля глядела на «плот» с явным испугом. Хотя ничего пугающего в Крупской не было. Коренастая, но, несмотря на возраст, не грузная, она немного хромала, подшучивая сама над собой, дескать, это напоминание: никогда ни на кого не надейся. Тогда, давным-давно, опера недостаточно внимательно осмотрели подвал «долгостроя», и злодей, схоронившийся в одном из закоулков, захватил Наденьку в заложники. Вырвавшись из смертельной хватки, она даже слова операм не сказала – с кем не бывает, всего не учтешь. Но хромоту свою берегла как кто-то, быть может, бережет серебряную медаль. Или даже бронзовую: первые места в той гонке взяли другие, но ты – научился побеждать.

Коротко стриженные волосы облегали голову Яковенко плотной шапочкой, напоминая парик. Или скорее шлем. Старый, потертый, так что из-под серебра там и сям проглядывала медь. Но, конечно, все было наоборот: сквозь когдатошнюю «медь» проступало «серебро» седины.

– Тебе там опера свидетелей натащили, – кивнула она в сторону двери. – Шайдарович велел помогать, чем кто может. Да мы и так бы... Может, мне с не особо перспективными по...

Прервав начатую фразу, дверь кабинета распахнулась с такой силой, что непонятная, доставшаяся по наследству от прежнего владельца кабинета конструкция из палочек и шариков пришла в движение: дзинь, дзинь, дзинь.

Влетевший в распахнутую дверь мужчина был коротко стрижен, невысок и худ. Или скорее жилист. И вообще казалось, что его не родили когда-то, а – построили. Или точнее – сделали. В мастерской, где пахнет маслом и резиной, где на полу там и сям поблескивают металлические опилки, а из-за мотка почти черного стального тросика торчит, как гигантский собачий нос, непонятная железная штукавина.

И еще явившийся обладал голосом. Проникновенным, как рычание вгрызающейся в заготовку дисковой пилы, и гулким, как удар кувалды в днище пятидесятилитрового казана. И он этим голосом – орал:

– Небось с другими мамашками языками зацепилась? Или не с мамашками? Может, на бегуна какого загляделась?

Эля съезжилась на стульчике, сгорбилась. Но в то же время – подалась навстречу мужу, устремив на него взгляд, полный надежды. Приправленной, однако, чем-то вроде вины, черной, вязкой, неутолимой:

– Что ты! Да я... я никогда...

– Знаем мы, как вы никогда... Будешь сидеть в квартире – и ни шагу! И никаких этих твоих соцсетей! Моргнешь – живо за порог выставлю! На кой мне такая жена, овца тупая, за ребенком уследить – и то не смогла!

– Вы – кто такой? – ясно было, что муж, но обычно вопрос «ты кто такой» производит отвращающее действие. – И почему врываетесь?

– Вы, девушка, как вас там? С-следователь? – наглец окинул Арину пренебрежительным взглядом. – В кабинетике она расслаживается, вопросы спрашивает! Нет бы задницу из кресла вытащить и бегом ребенка искать. А она в кабинетике сидит! Слышь, ты! Если ты моего сына не отыщешь, я тебе ноги за ушами узлом завяжу, ясно?

– Георгий Анатольевич? – тихо, но внушительно проговорила Надежда Константиновна. Арина еще успела удивиться: надо же, Крупская уже знает, как зовут этого агрессивного... мужа. И, похоже, знала это еще до того, как войти в кабинет.

Но агрессивный муж не впечатлился:

– Вы кто? Бухгалтерша? Вот и идите в свою бухгалтерию. Будет тут всякая мне указывать!

– Георгий Анатольевич... – все так же тихо, но теперь почти укоризненно повторила Крупская.

– Ну я – Георгий Анатольевич, – он вдруг растерялся.

– Вы в коридоре подождите, ладно? – Надежда Константиновна улыбалась.

Может, так улыбаются гигантские акулы. Или тигрылюдоеды. Или наоборот – феи-крестные. Но Семин послушно повернулся к двери и – вышел.

Арина наблюдала за краткой сценой в некоем остолбенении. Да, профессионализм – великое дело. Ей самой еще учиться и учиться.

Эля же, похоже, так была потрясена скандальным явлением – и изгнанием – своего мужа, что на это ушли все ее силы. Сейчас она выглядела неправдоподобно спокойной и, казалось, не замечала ни присутствия Надежды Константиновны, ни ее с Ариной безмолвного диалога взглядов. Сидела, сложив на коленях руки, как будто ждала чего-то.

И вдруг – улыбнулась.

– Я пойду уже, да? Можно?

Арина и Надежда Константиновна опять переглянулись. Реплика прозвучала... странно.

– Мне Лелика кормить надо, – продолжала Эля все так же безмятежно. – У него режим. Понимаете?

– Вызывай медиков, – шепнула Крупская.

Дежурный психиатр – «скорая» прибыла на удивление быстро – их успокоил:

– Да ничего страшного. Проседем сейчас, поспит, потом еще поспит, будет как новенькая. Хотя... там, где она сейчас, ей, безусловно, лучше, чем в реальности.

– Что это вообще? На пальцах можете объяснить? Без спецтерминов вроде дисси... диссоци...

– Диссоциативных расстройств? – психиатр, молодой, синеглазый, улыбнулся так, как пристало бы кому-то лет на пятьдесят постарше. – Спряталась она. Справиться с ситуацией не может, находится внутри ситуации невыносимо. Вот и спряталась в выдуманную реальность. Точнее, не в выдуманную, а в ту, которая была до похищения. Вычеркнула из памяти последние полсутки. Или сколько там?

Понимая, что вопрос глуп, Арина все-таки спросила:

– Она в себя-то придет?

– Придет. Но лучше бы вы мальчика побыстрее нашли.

– Мы ищем.

* * *

Обладатель впечатляющего голоса буйствовать больше не пытался. Не то испугался внезапного «сумасшествия» жены, не то просто остыл. В конце концов, какой никакой, а бизнесмен, автослесарь, работяга – это вам не «творческая личность с тонкой нервной организацией». Личностей с тонкой нервной организацией Арина не любила. С работягами разговаривать было проще:

– Откуда вы узнали о том, что случилось?

Семина сидел на «свидетельском», напротив ее стола, стуле, свесив меж колен крупные, не слишком ухоженные руки. На костяшках правой краснели свежие ссадины. Подрался с кем-то? По стене в нервах саданул? Говорил он, однако, почти спокойно, недавнего бешенства и следа не осталось:

– Так я домой пришел, а там пусто: обеда нет, и Эль-ка с ребенком куда-то подевались. И телефон не отвечает. Что я должен был подумать?

– Как именно не отвечал телефон? – уточнила Арина. – Эля просто не брала трубку или «абонент недоступен»? – она знала уже, что телефон у Эли разрядился как раз в момент похищения или сразу после него, потому и полицию вызывал скейтист, но ей было интересно, что именно скажет этот... муж. Который как будто не за жену и ребенка беспокоится, а просто так бесится. Нет, за ребенка – да, а вот состояние Эли его словно бы и не волнует. Интересно...

– Недоступен. Ну я рассердился, ясен пень. Опять эта курица забыла телефон зарядить. Или с подружками трепалась до опупения. Аккумулятор же не резиновый.

Ей-богу, он так и сказал – не резиновый. Аккумулятор.

– Эля так часто увлекается телефонными разговорами?

– Да нет, – медленно, словно нехотя, сообщил Семина. – Не так чтобы. Но телефон-то не отвечал! Значит, аккумулятор посадила!

– И что вы сделали?

– Подождал чутка, потом на улицу вышел. Ну, может, она в магаз выскочила – хлеб там или что – и подружку какую встретила. Они ж как языками зацепятся, времени не чувят. Да нет, нечасто, но все-таки непорядок. А там соседка наша на лавочке. Здравсти, говорит, Гера, а ваши в парк ушли. Я туда, а там... полиция.

– Если я правильно вникла, у вас имеется автосервис, так?

– Ну... так.

– И владеете вы им в равных долях с Мироновым.

– Ну... так, – повторил он.

– Кредиторы, недовольные заказчики?

– Вы думаете... Не, не там копаете. Кредитов мы не брали, как-то сами извернулись. Недовольные заказчики – ну это вообще! Типа кто-то недоволен как ему машину починили, и в отместку ребенка?

– Всякое случается, – попытожила Арина. – Но отсутствие кредиторов уже утешает. С партнером у вас какие отношения?

– Да вы что?! – Семина аж на стуле подскочил, на версию «обиженных заказчиков», хоть и бредовую, он так не реагировал, отметила Арина. – Мирона подозреваете? С ума сошли! Да мы с ним... Это вам Элька, что ли, начирикала? Ну так она его не любит. Типа он меня от семьи отвлекает. Носик сморщит: бензином, дескать, от тебя пахнет и смазкой всякой. Раз я начальник, мне вроде как не по чину с железками возиться. А мы с Мироном оба железки-то любим. Да и как мужику без гаража?

– Арин, я закончил с телефоном, – в слегка приоткрытую дверь просочилась длинная тощая фигура.

ГЭГа – Главного Электронного Гения. Арина знала, что тошесть Левушки Оберсдорфа обманчива, но сейчас это было неважно.

– Есть там что-нибудь?

Семина вдруг выхватил из Левушкиных рук пакет с телефоном:

– Это же Элькин! Как вы смеете?

– Георгий Анатольевич! – прикрикнула на него Арина.

Как ни странно, это подействовало. Семина сел на место, положил пакет на стол:

– Вы же не думаете, что это Эля... организовала?

– Нет, конечно. Но телефон в момент похищения она держала в руке...

– Так я и знал! Вместо того чтоб за ребенком смотреть...

– Георгий Анатольевич! – повторила она еще строже. – Либо вы ведете себя прилично, либо я прекращаю с вами разговаривать. И, может быть, из-за этого не получу вовремя какой-то важной информации. Время – вот что сейчас самое важное. Это понятно?

– Какой еще информации? – буркнул тот.

– Разной. Например... Вам эта женщина не знакома?

Арина на девяносто девять процентов была уверена, что Зинаида, невзирая на все на свете клетчатые сумки, ни при чем. Но, во-первых, девяносто девять – не сто, остается тот самый один процент. Во-вторых, никуда не денешься – сама-то Эля снимок «опознала». Цена ее показаний невелика, но вряд ли она опознала бы нападавшую в фотографии, к примеру, Мадонны или Аллы Пугачевой. Есть шанс, что некоторое сходство все же наличествует. Возраст, примерный рост, комплекция – в общем, типаж.

Семин мотнул головой:

– Не, не знаю такую, – подумал и добавил: – На Таньку похожа. Или как там ее?

– Танька – это кто?

– Подружка сестрицы Элькиной. На вид тише мыши, а на самом деле та еще стерва. В штаны ко мне лезла, а когда я ее бортанул – ну страшная же, вылитый крокодил! – Эльке давай наушничать. Типа я сам к ней приставал. Я ее давно не видел. И век бы не видать! Дайте-ка еще гляну. Может, и она.

Про любовниц Арина спрашивать не стала. Дамы, гм, сердца, хотя бы временные, у этого персонажа наверняка имелись, такие как он походы налево полагают естественным мужским правом. Но спросишь, а он опять в бешенство впадет. Или, хуже того, сам полетит выспрашивать да скандалить. Нет уж, любовниц пусть опера ищут, по косвенным данным. Тут бы со свидетелями еще разобраться.

* * *

– Да я не видел, считай, ничего! – парень обнимал свой скейт так, словно тот был спасательным кругом, а вокруг – не скучный кабинет, а бушующее море.

– И все-таки расскажите, – вздохнула Арина, понимая, что от этого толку не будет. Но опросить нужно, хотя бы для порядка. Да и чем черт не шутит, вдруг все-таки что-то заметил.

– Ну... Я доску ремонтировал, там одно крепление расхлябалось, давно пора по уму сделать, а я так, на ходу подтягиваю. Сижу, ковыряюсь, вдруг тетка завопила. Помогите, орет, она ребенка украла.

– Вы ее разглядели?

– Да она мимо меня как метеор пронеслась, темное что-то, вроде как плащи на ролевках. Он вдруг замолчал.

– И что дальше?

– Да ничего. Она мимо меня пролетела, потом... Не смотрел я, понимаете? – в серых глазах плескалось отчаяние. Интересно, с чего бы такая печаль, подумала Арина. – Голову поднял, когда... ну... я не знаю даже, почему посмотрел. Коляска на боку валяется, а тетка девчонку держит. Я подумал... – парень опять замолчал, изо всей силы вцепившись в свой скейт, словно тот мог ему помочь.

– Что вы подумали?

– Да ну, глупость, и не то чтобы подумал.

– И все же?

– Ну я думал, две бабы ребенка делят, знаете, как в телевизоре показывают, у меня бабка вечно смотрит, там тоже то и дело друг другу в волосы вцепляются.

– То есть вы решили, что та, что бежала и кричала, напала на другую?

– Типа того. Или наоборот, может? А, нет! Бежала ведь в темном, типа колдуньи, а девчонка эта в светлых брючках была.

– Почему вы к ним подошли?

– Девчонка плакала очень, и еще я услышал «полиция», вроде она просила полицию вызвать. Если бы она и вправду ребенка украла, она же не просила бы? Короче, не знаю я, почему подошел. Ну да, в полицию позвонил, сказал, что вроде ребенка похитили.

– Как вы поняли, что мальчика похитили?

– Да я не понял, но коляска пустая валялась, а девчонка рыдала так... я думал, она в обморок сейчас грохнется.

– Женщину, которая бежала и кричала, опознать сможете?

– Да вы что? Мелькнуло что-то мимо – и привет. Я вообще думал, это та тетка, которая девчонку схватила. Она у вас там за дверью. Это ведь не она?

– Если бы это была она, куда делся мальчик?

– Вот и я так подумал. А зачем она девчонку-то, чей мальчишка, схватила?

– Думаю, она сама расскажет.

– А я... мне можно идти?

– Идите. Пропуск дайте, подпишу. И, если что-то вдруг вспомните, позвоните? – Арина протянула парню визитку.

* * *

Открыв паспорт Марии Викторовны Шиловой Арина не поверила своим глазам – шестьдесят три года? Да ей же не больше сорока пяти. Про таких говорят «баба ягодка опять». Правда, ягодкой Мария Викторовна тоже не выглядела. В меру некрасивая, скорее жилистая, чем стройная, загорелая и очень, очень энергичная:

– Да откудова ж я знала? Эта кричит «ребенка украли», а эта, в брючках, фу-ты ну-ты, ну какая она мать? Ей в куклы играть, а не детей заводить!

– Ей двадцать три года.

– Да ладно! – Мария Викторовна недоверчиво сморщилась. – Уткнулась в свой телефон, а на коляску ноль внимания.

– Но ребенок-то с ней был, и не плакал, и убежать не пытался.

Та вздохнула.

– Да я сперва-то и не видала ничего. Только крик и смотрю – коляска валяется, а рядом эта, в брючках. Поднялась, а сама шатается – и это среди бела дня! Какая ж она мамаша?!

– Ее коляской ударило, она упала.

– Откудова ж мне знать! Думала, пьяная. Или, хуже того, обдолбанная. Они как дури своей нанохаются, так и творят невесть что. Вот и стащила чьего-то ребеночка. Ну я ее и это... придержала. Чтоб, значит, полицию вызвать.

– Ту, что кричала про кражу ребенка, вы хорошо разглядели?

– Откудова ж! Я и не смотрела.

– Ну хоть мельком-то вы ее видели. Что-то же должно было запомниться.

– Мельком? – переспросила та. – Ну... Юбка темная, длинная. Не совсем длинная, а вот по сю пору, – она провела рукой где-то в районе середины икры.

– Юбка? Не шаровары?

– Что ж я, юбку от штанов не отличу? Да видела я такие, видела, их сейчас много носят. Но те ж до щиколки, – она так и сказала «щиколки». – Юбка была. Темная, не то зеленая, не то

коричневая, такая... между. В цветочек беленький, мелкий. Штиблеты белые, с полосками внизу. Может, синими, может, коричневыми, не скажу.

Эля видела похитительницу снизу, и юбка должна была ей показаться короче. Но она шаровары не исключала. Впрочем, если это была юбка, колышущийся при быстрой ходьбе подол вполне мог создать впечатление «лишней» длины. Эта Мария Викторовна явно запомнила все лучше.

– Полоски поперек или вдоль? И... штиблеты – это что? Кроссовки? Кеды? Тапочки?

– Тапочки. Шнурков вроде не было. Полоски повдоль подошвы.

– Продолжайте. Рост, комплекция, волосы? Может, шляпа на голове.

– Не шляпа, а такая, вроде панамы, в дырочку, белая или желтая, волос почти не видно. Волосы стриженные, русые. Не, потемнее, чем русые. Ростом с тебя или повыше чутка, и потолще. Размер не скажу, майка у ней была здоровенная, широкая, и рукава длинные, не поймешь, что под ними. Но потолще тебя, это точно, не меньше сорок восьмого размера, а может, и пятидесятый или больше, под майкой да под юбкой не поймешь. Майка зеленая, вот тут, – она ткнула себя где-то между левым плечом и грудью, – карман, на нем желтым не по-нашему написано. Ну сумка такая, клетчатая, в общем. Белая, зеленая, синяя, всякая.

– С двумя ручками или через плечо?

– Ремень у ней на плече был, точно. Белый, – она еще немного подумала и добавила. – И часы на правой руке.

– На правой? Может, браслет?

– Не, часы. Циферблат такой здоровый, оранжевый.

Оранжевый циферблат, значит. Да уж.

– Лицо не разглядели?

– Где ж там было разглядеть, когда она, как метеор, пробежала? Ну круглое, румяное.

– Румяное? – изумилась Арина.

– Ну не румяное, а... Не бледное, короче, и не загорелое. Не как у тебя. Под глазом родинка.

– Под правым или под левым?

Женщина на мгновение задумалась:

– Если она вот так бежала... значит, под левым.

– Другие свидетели говорили, что она была в темных очках. А вы говорите – родинка под глазом.

– Точно, были на ней очки темные, здоровенные такие. А родинка как раз где они заканчивались. Значит, не совсем под глазом, вот тут, – коротко остриженный ноготь ткнулся чуть ниже левой скулы.

Родинка, значит. Сразу под очками. И тапки с полосой вдоль подошвы. И карман на футболке с надписью «не по-нашему». И часы на правой руке. Да еще с оранжевым циферблатом. Это называется – не разглядела? Арина поднялась, отошла к двери, скомандовав:

– Не оборачивайтесь. Что на мне надето?

– Брючки льняные, ну, такие, светлые, не то серые, не то зеленые, не знаю, как этот цвет называется, – начала перечислять Мария Викторовна, как будто даже не удивившись. – Короткие, но не шорты, колени закрыты. Пиджак такой же, с коротким рукавом, на рукавах отвороты, на штанах тоже, с ляжками и кнопками по бокам. Майка под пиджаком короткая, черная, очень яркая, на ней листья зеленые с белым и цветы. Крупные, бордовые.

Арина считала, что этот цвет называется вишневым, но останавливать свидетельницу не стала. Та продолжала так же методично, словно смотрела не в стену за Арининым столом (на которой не было ничего похожего на зеркало!), а на саму Арину:

– На шее цепка серебряная, тоненькая, не крученая, без ничего. Часов нету, сережек тоже. Чего не носишь, дырки-то зарастут.

– Не зарастут, – усмехнулась Арина. – Я их по выходным надеваю. Все?

– Глаза непонятные. То зеленые, то желтые, а то вовсе серые. Волосы не красишь, губы тоже, и ногти тоже, короткие они у тебя. Рука правая поцарапана, царапины разные, которые поджили, которые совсем еще красные. Кота держишь?

– Повернитесь теперь ко мне, – попросила Арина, не ответив на вопрос про кота. – Что у меня на столе?

Мария Викторовна принялась перечислять папки, карандаши, смешную флешку в виде пистолетика – Арина ее третий день найти не могла, а фитюлька, оказывается, в опрокинутый карандашный стаканчик ускочила. Перечисляла Шилова почти без запинки, глядя куда-то поверх Ариной головы – та даже оглянулась: нет ли возле двери какой-нибудь отражающей поверхности. Она знала, конечно, что нет, но вдруг Ева в очередном рывке за уютом успела повесить какую-нибудь картинку. Застекленную. Но стена была белой, матовой и абсолютно пустой.

– Спасибо, – улыбнулась Арина, усаживаясь на свое место. – Много запомнили.

– Чего ж не запомнить, я на тебя уже сколько плююсь, – Мария Викторовна вдруг нахмурилась. – Ты меня проверяла, что ль? Думала, я сочиняю? Про часы, про родинку, про сумку?

– Извините. Вы же сами сказали, что не разглядели ее, а описали вон как подробно.

– У меня глаз – алмаз! – гордо сообщила Мария Викторовна.

Арина вдруг вспомнила про людей со «сверхспособностями»: один десятизначные числа в уме перемножает и корни извлекает, другой страницу незнакомого иностранного текста с одного взгляда запоминает и цитирует, третий... Смотришь и почти завидуешь: надо же, какая голова человеку досталась! Но каждый раз оказывается, что сверх-память и прочие «сверх» сопровождаются интеллектом куда ниже среднего. словно ради равновесия. И у этой гражданки – ровно то же самое: глаз-алмаз, а сообразительности кот наплакал. Не схвати она Элю, та кинулась бы следом за похитительницей, а за ней и скейтист бы, наверное, побежал... ну да что теперь сокрушаться!

– Мария Викторовна, раз уж нам так повезло с вашей наблюдательностью, подумайте: это точно женщина была?

– Так она же в юбке бежала!

– Ну... юбку-то кто угодно может надеть... Вы только не подумайте, что я вас убеждаю, совсем напротив...

Но та, казалось, слушала уже не Арину, а кого-то – или что-то – внутри себя: взгляд стал отсутствующим, губы немного поджались. И наконец Мария Викторовна сообщила почти удивленно:

– А вот и не знаю. Грудь-то у нее не торчала! Ну под футболкой этой. Видно только, что не тощая, покрупней тебя, а вот груди не помню. И штиблеты...

– Что – штиблеты?

– Большие. Не меньше тридцать девятого.

– То есть это мог быть и мужчина?

– Если не амбал, а вроде мужа – мог.

– Вашего мужа?

– Да какого моего? Этой мамаше, ну то есть... Я в коридоре видела. Такой из себя мужчичка, не внушительный. Вот если на него юбку да темные очки надеть, будет похож. Так что не скажу. Совсем ты меня запутала.

– Ну почему же! – Арина улыбнулась. – Скорее уж наоборот. Глаз у вас и в самом деле отличный. Фоторобот поможет составить?

– Это в компьютере, что ли, рисовать надо? Так я в них ничего не понимаю.

– Вам и не нужно. Посидите с нашим специалистом, он все сделает, как скажете.

– Давайте вашего специалиста.

* * *

– На троллейбусе?! – обычно невозмутимый полковник юстиции Пахомов был явно удивлен.

– Именно так, Пал Шайдарович, – подтвердила Арина. – На место сразу вызвали кинолога, собака взяла след, довела до выхода из парка... до одного из выходов. Там камера обнаружилась, далековато, но кое-что разглядеть можно. Женщина с ребенком на руках села в троллейбус. Вот, смотрите, – она потыкала в кнопки узкого черного пульта.

Камера наблюдения была черно-белая и вообще, как выразился Оберсдорф, дохлая, так что растянутое на занимавший почти все пространство между дверью кабинета и окном на соседней стене изображение казалось мешаниной невнятных серых пятен. Самата Арина просматривала добытую молодым патрульным запись на мониторе ноутбука. Качество, конечно, оставляло желать много лучшего, но она никак не ожидала, что на большом экране получится такая вот каша.

– Лева? – она умоляюще взглянула на пристроившегося в углу дивана Оберсдорфа. Тот только плечом дернул:

– Разрешение минимальное, поэтому зерно с кулак, а я не волшебник.

– И что, совсем ничего нельзя сделать?

– Разве что уменьшить.

Через несколько секунд изображение как будто стянулось к середине экрана, оставив по краям «нерабочую» черную полосу. Как траур, недовольно подумала Арина. Но видно так действительно стало куда лучше.

– Пестрое на заднем плане – это парк, – пояснила она. – Сверху небо, снизу дорога, сбоку павильон автобусной остановки. Вот она!

Из темного пятна на краю лиственной ряби – выхода из аллеи – появилась человеческая фигура, прижимавшая к левому плечу что-то похожее на сверток, видимо, похищенного мальчика. Одежда просторная, неяркая, на черно-белой камере выглядит темно-серой, только на голове что-то светлое. Быстро, так что броская клетчатая сумка билась по боку, женщина подошла к павильону, остановилась возле, сдернула свою панаму (или что там было), тряхнула головой. Нет, стрижка или конский хвост – не понять, не в этом ракурсе по крайней мере. Справа возник быстро увеличивающийся светлый прямоугольник.

– Троллейбус, – пояснил Левушка.

Обзор ненадолго оказался перекрыт, а когда троллейбус отъехал, возле остановки никого уже не было.

– И если похитительница не растворилась в воздухе, значит, уехала на этом троллейбусе, – подытожила Арина.

– Нашли? – поторопил ее Пахомов.

– Троллейбус-то нашли, у них же расписание, и чуть ли не жипиэс в каждом, то есть диспетчеры их отслеживают. Только без толку. Кондукторшу опросили, она то ли видела женщину с мальчиком, то ли нет. Она за день столько народу обслуживает, что безнадежно. На фоторобот посадили ее, конечно, но даже от Эли этой и то больше проку было бы. Ну и камера вот эта, которую патрульный на автозаправке углядел... Нет, он молодец, кто бы спорил, но... – Арина досадливо поморщилась. – Расстояние большое, ракурс неудобный. Вот эти получше будут, но тоже... – Арина вывела на настенный экран три фотографии, сделанные явно подряд.

Качество этих снимков было получше, чем запись камеры наблюдения, но ракурс! В перекошенный кадр попал кусок серо-зеленой футболки и лицо. Вполоборота, к тому же наполовину скрытое темными очками и полями чего-то вроде панамы.

Глаза Пахомова на секунду блеснули:

– Кто-то из свидетелей успел снять?

– Нет, – вздохнула Арина. – Эля во время нападения телефон в руках держала – она в соц-сеть перед этим заходила – и, видимо, как-то случайно ухитрилась сделать снимки. А потом аккумулятор разрядился и телефон отключился. Мы его уже тут на зарядку поставили. Ну и когда хозяйка, когда ее забрали... забыли про него. А когда ее увезли, Левушка телефон разблокировал и снимки сразу обнаружил.

– Она сама где?

– Ей врачи занимаются. Там что-то вроде острого психоза.

– Буйствует?

– Наоборот. Она как будто забыла про похищение. Начала вдруг торопиться домой, мол, Лелику обедать пора, потом ей что-то там успокоительное вкололи, она отключилась.

– Прогноз?

– Да говорят, в себя придет, но пока лучше ее на седативных поддержать.

– То есть фоторобот она не сможет составить?

– Она нет, но та свидетельница, что не вовремя вмешалась, она – да. Наблюдательная тетка. Сперва отнекивалась, мол, не разглядела похитительницу, а как начала рассказывать – готовый портрет. Даже часы на правой руке заметила и родинку на левой скуле.

– Не сочиняет?

Сочиняющие свидетели – это не редкость, а скорее правило, затем Арина и проводила свою «проверку».

– Не думаю, Пал Шайдарович. Я ее протестировала, у нее действительно отличная зрительная память. Жаль, что прочая соображалка много хуже. Так что вот, фоторобот какой-никакой получился, – она опять пощелкала пультом, убирая с экрана снимки из Элиного телефона.

Лицо на композиционном портрете выглядело незапоминающимся. Обычным. Но на удивление живым: почти круглое, с маленьким аккуратным подбородком и чуть отвислыми линиями нижней челюсти. Гладкие волосы над низковатым лбом, каплевидные темные очки, закрывающие практически всю верхнюю часть лица. Под правым стеклом – маленькая родинка.

– Точно не сочиняет? – повторил Пахомов после недолгого разглядывания портрета на экране.

– Вряд ли, Пал Шайдарович. Думаю, можно на это изображение ориентироваться. Мы его уже размножили, разослали, чтоб можно было людей опрашивать. По району, по линии движения троллейбуса и так далее, в том числе на вокзалах. Вдруг мальчишку в область увезли, а то и подальше. Хотя я сомневаюсь. Если это профессиональные похитители, должны быть похожие случаи в других регионах, но – ничего. Значит, кто-то местный работал.

– Один приезжий там неподалеку гулял, но он не при делах, – заметил Оберсдорф, сосредоточенно разглядывая плафон на потолке.

Левая бровь Пахомова слегка дрогнула: почему это о результатах рутинного опроса потенциальных свидетелей сообщает компьютерный специалист? И Арина поторопилась объяснить:

– Я попросила, Павел Шайдарович, посмотреть, нельзя ли определить, чьи мобильные телефоны засветились неподалеку от места происшествия. Пока не официально, а просто чтобы сориентироваться.

– Сориентировались?

Арина досадливо мотнула головой:

– Не очень. Рядом находились лишь те, о ком мы и так знаем. Сама Эля, парень, что полицию вызвал, та дура «глаз-алмаз», которая все неправильно поняла, поэтому кинулась на Элю, а не на похитительницу, ну и так далее. Собачники, велосипедисты, три молодые мамы

с детьми. Большинство из них вообще не в курсе, ничего не видели и не слышали, потому что находились на других аллеях. Только одного еще не проверили, но это, скорее всего, к делу не касаются. Мужчина, пожилой, прописан там неподалеку. Или еще один собачник, или просто гулял.

– А похитительница?

– Вероятнее всего, дама банально не взяла с собой телефон, – подсказал Оберсдорф. – Что очень разумно.

– Похищение вообще производит впечатление очень хорошо спланированного, – подхватила Арина.

– Но – троллейбус? – Пахомов покачал головой.

– Троллейбус как раз очень хорошо в это предположение укладывается. Если бы похитительницу поджидала машина – машину проще отследить. А троллейбус – штука такая, никто ни на кого, в общем, не смотрит. Ищи свищи, короче.

– Логично. Значит, целью был именно этот мальчик?

– Не обязательно, – возразила Арина. – Возможно, целью был мальчик – или даже вообще ребенок – этого возраста. То есть мог иметь место экспромт с предварительным обдумыванием. А в парке просто подвернулся удобный случай. Но вполне возможно, что целью был именно маленький Семин. Потому что дела там, в семье не так чтобы в полном порядке. Элин муженек тут цыганочку с выходом уже закатывал, жену свою ниже плинтуса честил.

– У мужа, Георгия Семина, дама сердца таки имеется, – вмешался Стас Мишкин. – Или, как минимум, имелась совсем недавно. Ни имени, ни иных данных пока нет, у него самого мы, по понятным причинам, спрашивать не торопились. Но в магазинчике возле автосервиса, которым Семин с приятелем на пару владеют, работает очень глазастая дамочка, говорит, видела его с подружкой. Не то весной, не то зимой. Кстати, по описаниям, типаж тот же, что у нашей похитительницы.

– Русоволосая, среднего роста и телосложения? – скептически хмыкнул Пахомов.

– Да понятно, что таких навалом. И жена у него такая же. Да хоть бы вон сама Вершина.

– У меня волосы не русые, а каштановые, – огрызнулась Арина. – И телосложение не среднее, а скорее худощавое, а та женщина, как сказала Шилова, потолще меня будет.

– Велика разница! Одежки у нее свободные, размер туда, размер сюда. А волосы и покрасить можно, и парик натянуть.

Парик? Арина опять вспомнила Питер. А потом – сразу – неприметного парня в бейсболке и ветровке, который оказался в итоге вовсе не парнем. Хлопнула с досадой по коленке:

– Каравай-каравай, кого хочешь выбирай! То есть, это я сейчас не про личную жизнь господина Семина, а про то, что наша похитительница может оказаться и похитителем. Стас?

Мишкин пожал плечами:

– Получается, что может. Ни по снимкам, ни по фотороботу этого ж тоже не понять. Но я-то искал даму сердца.

– Дальше что? – подстегнул Пахомов. – Журналисты, небось, уже копытом бьют.

– Пока не бьют. Даже в интернете пока тихо.

Полковник недоверчиво покачал головой:

– А парень, что полицию вызывал? Нынче ж шагу не шагнут без всеобщего оповещения.

– Он, к счастью, вполне адекватный оказался, – сообщила Арина. – Я его попросила не распространяться, и он обещал помолчать.

– Обещал?

– У него сестренка чуть постарше нашего похищенного. Так что, думаю, парень не станет лишнего звонить, риски осознает. Но людей задействовано много, так что информацию журналистам кто-нибудь да сольет. Ева сообщит, как только к нам за официальным подтвержде-

нием обратятся. И тогда придется прессконференцию давать. Не то раздуют до небес. Журналистам же непременно надо, чтоб это был маньяк. Или торговцы органами.

– Или сатанисты, – фыркнул Стас.

– Погодить бы с этим, – подал вдруг голос угрюмо молчавший до этого Молодцов. – С оповещением широкой общественности. Надо нищих и близкий к ним контингент сперва проверить.

– Да их вроде и не осталось уже, – удивилась Арина, мысленно укорив себя за то, что не подумала о таком, казалось бы, очевидном варианте: похищении ребенка для использования его при попрошайничестве. Ну да, не девяностые.

– Остались, Арина Марковна, хотя и не так чтоб много. В электричках попадают, бывает, по квартирам ходят, ну и так, там и сям. На автовокзалах-то все цыгане держат, но сомнительно, чтобы они были причастны, у них своей ребятни навалом.

– Иван Сергеич, – прервал его рассуждения Пахомов. – Возьми на себя патрульных, участковых, ну, всех кто этот контингент знает.

Арине вдруг вспомнились кладбищенские бомжи – но, пожалуй, это не туда. Компания Химика – не нищие, это другой круг. Или все же...

– Уже начал, Пал Шайдарович. Потому и сказал. А то, если дело в них, испугаются – и мы ребенка никогда уже не найдем.

– Выкуп не требовали?

Арина помотала головой. Впрочем, ясно было: полковник Пахомов, суровый ППШ, не столько спрашивает, сколько утверждает. Какой тут, к бесу, выкуп? Не в Америке живем. И семья не та. Таких, как эти Семины, – на двенадцать дюжина.

– Сомнительно, Пал Шайдарович. Ради выкупа выбрали бы семью побогаче. Семины не бедствуют, ипотеку за квартиру недавно погасили. Но и не шикуют. У Геры с другом авто-сервис на двоих.

– Конкуренты? Бандиты? Коллекторы?

– Семин говорит, что наездов на него не было. Не девяностые у нас все-таки. Долгов нет. Отжать бизнес никто не пытался, с партнером тоже мирно живут. По уверениям Семина, то есть.

– Значит, основная версия – семейные разборки?

Арина пожала плечами:

– Более-менее. Но я бы пока не заикливалась именно на семье. Варианты, по-моему, возможны. Модус операнди очень уж... своеобразный. Либо абсолютно рациональный, тщательно подготовленный, либо столь же абсолютно сумасшедший, в смысле внезапного эксцесса и невероятного для похитителя везения. Но, с другой стороны, если бы у нас тут такая сумасшедшая бегала, ее бы давно на карандаш взяли. Хотя это может быть первый эпизод. Как психиатры говорят – манифестация. В смысле у похитительницы – или похитителя, пока не ясно – крыша пошатывалась, пошатывалась и вдруг съехала. В конце концов, Элято, мать то есть, абсолютно нормальная женщина, и то сейчас не в себе. Грубо говоря, башню у кого угодно снести может. Ну почти у кого угодно. Но тогда должен был иметься какой-то триггер. Проверим детскую смертность и тех, у кого отцы детей забрали.

– То есть психов не исключаем?

Арина вздохнула:

– Пока нет. Если брать психов во всех смыслах этого слова, не только в чисто медицинском. Но в медицинском, конечно, в первую очередь. То, что нам видится тщательной подготовкой, может быть всего лишь невероятным везением. И, если говорить о психах... – Арина замолчала.

– Ну? – потребовал ППШ.

– Сумка клетчатая.

– И?

– В самом конце учебного года попала в мое поле зрения – случайно! на соседской территории – тетка с клетчатой сумкой. Зовут Зинаида, фамилия у меня где-то записана и прочие установочные. По большей части вполне вменяемая, но в начале и в конце учебного года ей в голову что-то шибает, и она принимается искать свою якобы украденную в роддоме дочь. Ищет всегда среди девочек-первоклашек.

– У нас мальчик около двух лет, – напомнил Пахомов, но ожидаемого раздражения в его голосе не слышалось.

– Знаю! – почти с отчаянием воскликнула Арина. – Более того. Зинаиду эту тогда же госпитализировали, она по идее еще в стационаре должна отдыхать. И на фоторобот она не особо похожа, у Зинаиды лицо уже, лоб выше и подбородок острее. Но фоторобот мы позже составили, а клетчатая сумка... В общем, я показала Эле фотографию Зинаиды. Она сперва как будто сомневалась, а после как-то резко обрела уверенность – да, говорит, поймите ее! Но трудно сказать, насколько Элины показания достоверны.

– Мужу показывала?

– Муж сказал, что женщина с фотографии похожа на подругу Элиной сестры.

– Где сестра?

– Ищем, – сообщил Мишкин. – С Элей они не близки, где квартиру снимает, Семин не знает, номер телефона, похоже, сменился. Так что... ищем.

– Подругу сестры Эля должна ведь была узнать?

– Непонятно. Получается, эта ненормальная Зинаида только все дело запутывает. Похожа? Не похожа?

– Давай сейчас сравним, – предложил Оберсдорф.

В центре экрана появилась фотография Зинаиды, справа от нее – фоторобот, а слева – стоп-кадр из записи камеры наблюдения.

– Что-то есть, – задумчиво проговорил Мишкин. – Даже с фотороботом, кстати. С записью сходства больше.

– Потому что там изображение хуже.

– И все-таки.

Арина вздохнула:

– Мне тоже кажется, что что-то общее есть. И тетка эта, глаз-алмаз которая, тоже в итоге согласилась, что да, некоторое сходство имеется. Хотя, может, это она так передо мной выслуживалась.

– Зачем?

– Потому что она не так чтоб великого ума. Если б не она, может, мы тут сейчас не сидели бы. Она когда кричавшую ту увидела, почему-то решила, что та и есть настоящая мать, которая своего дитенка спасает, а Эля, вся такая из себя хорошенькая и современная куколка – непонятно кто, и когда Эля в погоню кинуться попыталась, Мария Викторовна ее придержала. Неизвестно, конечно, сумела бы Эля похитительницу догнать, все-таки ударились она при падении довольно сильно. Но Шилова теперь чувствует себя виноватой, твердит «откуда ж я знала!» и из кожи вон лезет, чтобы нам угодить.

– Почему, кроме Семиной, никто за похитительницей больше не кинулся?

– Кто? Две старушки-подружки? Они далеко сидели, да и возраст не тот, чтоб в погонях участвовать. Парень, что полицию вызвал, мог бы, но шиловское вмешательство его сбило. Пока сообразил что и как, бежать следом уже поздно было. На скейте был шанс, но он как раз колесо на место ставил, то есть доска была не на ходу. Все слишком быстро произошло.

– Зинаиду твою могли отпустить уже, – сказал вдруг Молодцов.

– Могли. Я участковому тамошнему дозвониться не смогла, но проверить надо, я дозвонюсь.

Пахомов кивнул:

– Давай сумму.

Арина вздохнула. Сумма получалась... неубедительная:

– Подытоживаю. Незвестная женщина или, возможно, мужчина в женском платье...

– Вершина!

– Все свидетели, включая потерпевшую, говорят о женщине. Но та свидетельница, что фоторобот помогала составлять, когда я ее в лоб спросила, уверена ли она, что это не мужчина, сперва возмутилась – юбка же! А после сказала, что груди там вроде как не было. И штиблеты довольно крупные.

– Она и штиблеты разглядела?

– Разглядела. Наблюдательность действительно на высшем уровне. И на записи с камеры эти самые штиблеты кажутся крупноваты.

– У нас соседка сороковой размер носит, – буркнул Мишкин.

– Бывает, – согласилась Арина. – Но все же редко. Пока, условно, женщина, но мужчину не исключаем. Итак. Незвестная женщина с криками «она украла моего ребенка» толкнула коляску на мать мальчика, схватила ребенка и скрылась. Добежала до выхода из парка, села в троллейбус и уехала. Мотив похищения пока неясен, – Арина опустила голову, чувствуя жгучий стыд за свою беспомощность. Хотя она понимала, конечно: сейчас не ее очередь пахать, а оперов, ее дело – соображать, в каком направлении пахать и... ждать.

– Опера работают? – Пахомов словно мысли ее подслушал.

– По всем направлениям, Пал Шайдарович.

– Будет не хватать, скажи, найдем дополнительных. У тебя сейчас что-то срочное есть?

– Все более-менее терпит. Только обвинительное по драке в ресторане.

– Почему тянешь?

– Потерпевший в тяжелом состоянии, там может не тяжкий вред оказаться, а смерть вследствие травм. Тогда понадобятся еще от медиков дополнительные доказательства.

– Хорошо. Если еще где-то понадобится отсрочка или помощь, сразу требуй.

– Павел Шайдарович, можно? – в кабинет просунулась лохматая голова молоденького сержанта из ближнего полицейского участка.

– Чего тебе, Клюшкин? По делу?

Тот вошел в кабинет, бережно, двумя руками держа какую-то распечатку и бормоча:

– По делу, по делу. Меня посадили сводки смотреть, вдруг что похожее всплывет.

– И?

– На прошлой неделе в Заводском районе пропал мальчик. Маленький, года еще нет. Мамаша в магазин зашла, коляску у входа оставила, вернулась – в коляске пусто.

– И журналисты не пронюхали? – не удержалась Арина. ППШ зыркнул на нее сурово, но промолчал, ситуация и впрямь выглядела странно. – Город у нас, конечно, большой, а Заводской район – дальняяпредальная окраина, но все равно же скандал. Можно подумать, у нас каждый день детей похищают. Нам еще повезло, что про Пионерский парк еще не гудят на всех ресурсах.

– Они этот случай в потеряшки отправили, – тихо сообщил Клюшкин.

– Ничего себе, – буркнула Арина себе под нос. – Я еще могу понять, когда по исчезновению подростков дела не спешат возбуждать. Шило в заднице многих в бега отправляет. Но младенец?!

– Формально-то они ничего не нарушили, – пожал плечами Мишкин. – Если никто не видел, как ребенка из коляски вытаскивали. Значит, похищение под вопросом. Тем более, это Заводской район, там контингент специфический. В основном, то есть. Может, мамаша его у подружки забыла. Помнишь, года три назад был такой случай? А, ты еще в Питере была, но там да, анекдотическая ситуация случилась. Посидела с подружкой, пивком побаловалась,

а когда домой собралась, коляску взяла, а про дите забыла. Только утром переполошилась, в полицию кинулась – украли ребенка! А тут подружка туда же подваливает: мне, говорит, дитенка подкинули. Она тоже наутро мало что из предыдущего вечера помнила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.